

Маргарита ЮЖИНА

Парашют
для утопающего

Маргарита Южина

Парашют для утопающего

«Маргарита Южина»

2007

Южина М. Э.

Паращют для утопающего / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2007

Бесплатного сыра бог теперь даже воронам не подает. А Люсе Петуховой он послал на старости лет... сыночка. Да не простого, а взрослого и богатого. Сынуля, даже не познакомившись с «мамочкой», в принудительном порядке оснастил окна «родительской» квартиры стеклопакетами, а саму Люсю осыпает продуктами, цветами и бриллиантами. Верная подруга мадам Петуховой – Василиса – сразу поняла, что дело нечисто. А в ходе следственных действий выяснилось: благодетель заваливал подарками и других людей. Но все они... сыграли в ящик. Стало быть, смерть с косой подбирается и к Люсе? Какой-то неизвестный богач бесится с жиру, а она помирай? Немедленно найти его и обезвредить!..

© Южина М. Э., 2007

© Маргарита Южина, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Маргарита Южина

Паращот для утопающего

Глава 1

Маннм мешком по голове

– Зачем ходил, зачем бродил, зачем подарочки дарил? Из-за тебя, мой крокодил, ко мне никто-о не подходил! – верещала высоченная и тощая, как удочка, мадам, яростно вколачивая каблукн в новый линолеум.

– Она нам сейчас весь ремонт разнесет, – недобро кривилась хозяйка дома, поглядывая на плясунью. И скорбно подпирала щеки кулачком.

– И ведь какие деньги дерут, надо же?! – поддакнула пышнотелая бабища, набивая рот бутербродами с красной икрой. – Тоже мне – работа! В свое удовольствие напелись, наплясались... вон как тощенькая-то вихляется, рада небось, что на свадьбу пригласили... Наталья, она точно на твоего Кольку глаз бросила, вот поверь мне, бросила! Ишь как подолом-то – эть, эть!.. И ведь еще какие деньги загребут! Нет, соседущка, уж лучше б ты мне заплатила, я б тебе еще и не так юбкой-то! За деньги-то!

– Да какие там деньги, – отмахнулась хозяйка. – Их поэтому и пригласили, что берут недорого. А мой Витасик хоть и крупный бизнесмен, а деньгами не привык раскидываться, да уж... А ты, Ангелина Игоревна, кстати, картошечки попробуй, она у нас в этом годе сладкая, прям сахарная вся!

Пышнотелая гостья даже не повела бровью:

– Картошечки я и дома наемся, а на икру мне завсегда денег жалко, прям так жаба и давит. А вот у тебя, Наталья Федоровна, ем и ничего не давит! Прямо удивление одно, честное слово! Вот глянь – ам! И ничего! Ам-ам-ам! И только одна вкуснотища! А картошка сладкая, потому что заморозили вы ее в подвале, вот она и сластит, эка невидаль. А твой-то Витасик, коль крупный делец, мог бы свою свадьбу и в ресторации отметить, а не так вот – с полоумными бабами вприсядку!

Витасик, то есть Виталий Николаевич Кубышов, в свои тридцать шесть лет имел две торговые точки на рынке, бойко снабжал население китайскими лифчиками и семейными трусами, а потому считался весьма продвинутым господином среди жителей старенькой пятиэтажки.

– А я говорю – хватит икру-то жрать! Чай, не для твоей утробы поставлена! – уже рыкнула гостеприимная хозяйка и выдернула блюдо с бутербродами прямо из-под носа ненасытной гостьи.

Свадьба гудела уже который час, время давно перевалило за полночь, молодым хотелось поскорее удрать, хозяевам – выгнать всех гостей поганой метлой, а сами приглашенные, близкие и родственники, веселились все больше, песни горланили все громче и плясали все развязнее. Все труднее было работать тамаде, но деньги были уплачены вперед, и приходилось отрабатывать. Василиса Олеговна Курицына, уже не первой юности женщина, работала тамадой не впервые. Они с верной подругой Люсей, которая тут же рвала баян на все лады, частенько подрабатывали затейницами, но сегодня свадьба была какая-то особенно беспокойная – никто не собиpался расходиться по домам, все мешали работать, а с бессовестными предложениями приставали одни только старики. Вот и сейчас какой-то господин-старожитель, который и трезвый-то не держался на ногах, рухнул на пол, а теперь ухватился за подол тамады и отчаянно пытался подняться. Подняться не получалось, а только юбка постыдно сползала с тощих бедер Василисы.

– ...Мой любимый, точно боров, в мое ухо хрюкает... – продолжала петь частушки упорная Василиса, отбрыкиваясь от ухажера. Однако юбка ее явно тревожила. – О любви не говорит, только брюхом булькает... Граждане, уберите от меня этого поползня! Ну что ж в самом деле! Никто стриптиз не заказывал, за него даже и не заплачено вовсе, а тут принародно оголяют! Люся! Ну хоть ты его по темечку баяном наверни, прямо ведь весь наряд стянул! – не выдержала в конце концов тудящаяся тамада.

Люсеньке было не до того. Пальцы ее заученно бегали по кнопкам инструмента, а сама она терпеливо объясняла отцу невесты, какая распрекрасная у нее подруга:

– Василиса – это просто... жемчужина! Я бы даже сказала... сто рублей! Она такая... Мы с ней вместе живем, в одной квартире, а другую в аренду сдаем, чтобы прибавка к пенсии.

– Я люблю пенсию... Мне б их... штук десять в месяц... и я бы жил, как... как олигарх бы жил, да!! А давайте за это выпьем!! Люся! Я вам утащил этого... красного вина! Стакан!! Выпьем!!

При упоминании о вине Люся изменилась в лице и даже бросила играть:

– Вы что?!! Какое же вино, прости господи! Я не пью вина!! Нет, вы просто решили меня угробить!! Да я...

– А я грю – выпьем! За нашу пенсию!! Т-ты что?! За мою песню... пенсию пить не желаешь?!!

– Да вы что?!!! – вылезли глаза из орбит у щупленькой Люси. – Да у меня... сразу же кровь свернется!! Не верите? Смотрите!! – И она бойко задрала рукав кофты.

Все гости притихли и вытянули шеи – очень было любопытно: она только рукав задерет или пойдет дальше?

– Вот, видите шрам? Это мне переливание крови делали только из-за того, что случайно стаканы попутала и вместо виноградного сока вина хлебнула. Только один глоток – и полгода на больничной койке! Так это еще когда я молодая была, а следующего такого глотка мой потрепанный организм не вынесет. Вы уж не заставляйте! Вам же не нужен на свадьбе мой прекрасный труп с баяном?!

Гости пошумели, посовещались и откровенно высказались – что сейчас пока не к спеху. Сначала лучше свадьбу отгулять, а потом, когда уж повода не будет собраться...

Все снова загомонили и потребовали песен. Люся с облегчением выдохнула и растянула меха. На самом деле, конечно, никакой свертываемости у нее не было, просто буквально на днях она так славно отметила рождение своего первого внука, так напробовалась этого винища, что буквально чуть не умерла от отравления. И от стыда. Василиса – верная подруженька, рассказала ей, что бабушка так себя вела, как не позволила бы себе самая развязная девица, – она выскакивала на улицу и непотребно выкрикивала лозунги: «Даешь демографический взрыв!», «Все на пополнение народонаселения!» и «Пятидетку – в четыре года!» – потом решила поздравить мэру города и поздравить его с новым горожанином, но уж пик ее сумасшествия обнаружился, когда скромная степенная леди полезла на крышу пятиэтажки, чтобы повесить флаг «Оля плюс Вова равняется ребеночек!». Кстати, флаг она смастерила тут же из новой германской простыни. После этого Василиса категорически заявила:

– Вот что, подруга, если ты еще хоть каплю возьмешь в рот, я тебя сфотографирую пьяную и буду показывать твое фото внуку! Мальчику будет больно.

И хоть сегодня Василиса была без фотоаппарата, Люся побаивалась – вот так пригубишь легкого винца, а потом тебя развезет. Васенька дома таких снимков наделает, что не только внуку, фотоаппарату больно станет! Поэтому сейчас она быстренько выдумала легенду и даже показала царяпину, которую ей оставил привередливый кот Финли, когда они с Василисой решили его искупать.

– Люся!! А вы знаете – про ямщика, который помер? – со слезами на глазах обратился к ней мужчина в самом расцвете лет. – Давайте же споем, а? Он помер, и никто его даже не того... не похоронил! В сугробе теперь... живет...

– А все дети виноваты!! Высосут все соки, а потом!.. – немножко буянил отец виновницы торжества.

– Нет, дети у нас славные... Васенька! Я играю, играю... – ненадолго отвлеклась Люся от баяна, чтобы отдохнули руки. – Правда, нам с Васенькой их без мужей пришлось растить, да ничего, справились. Раньше-то тяжело было – у меня ведь вообще – ни мужа, ни сына, одни бабы, и ведь справились! Сейчас у меня дочка вот в роддоме лежит, очень хорошая женщина – красавица, умница, вот уже девять месяцев, как мужу верная. А у Васеньки сын – Пашка. Шалопай, конечно, но при погонах, да-а! И при трех детях, очень солидный мушкетер, здоровый такой...

– У нас тоже в деревне здоровый был... боров, только звали его Подснежником. Черт его знает – Подснежник, и все тут! – присоединился к беседе еще один гость. Хрюпнул рюмочку и тяжело загоревал. – Прямо обидно за свинью – у всех имена как имена, а наш Подснежник, словно труп какой-то!

– Нет, наши дети на борова не тянут, никогда себя по-свински не ведут, – категорично покачала головой Люся, выдавая забористую трель. – И денег нам хватает. Мы ведь и пенсию получаем, и аренду, и свадьбы опять же, и если уж сильно кого прижучит – ну, допустим, убьют его, или прирежет кто, тоже к нам бежит, мы обязательно преступника находим. Потому что мы еще частным сыском промышляем. И, случается, нам за это даже денежную благодарность выдают. Только редко, все больше про это... про мать нашу вспоминают. Пашка особенно.

Василиса уже не могла легкомысленно веселиться – старичок не отцеплялся, юбку надо было держать двумя руками, и старенький материал норовил вот-вот треснуть. Тамада прекратила сыпать частушками, резко выпрямилась, отчего стала еще выше и тоньше, ухватила бедолагу за шиворот и усадила на колени скупающей женщине.

Женщина печалилась – она горько разглядывала пустую рюмку, потом плескала в нее водки, молниеносно выпивала и снова с удивлением пялилась в пустую рюмку. Подарка судьбы в виде немощного старца на своих коленях женщина не ожидала, а потому от испуга гаркнула и вскочила. Старец грохнулся с уютных колен, уперся на четыре конечности и, завидев знакомую юбку, снова устремился к тамаде.

– Да что ж такое-то, а?! – взывала Василиса и резко отпрыгнула в сторону от напозающего хама.

Хам захныкал и полез жаловаться к жениху. Тот выгнул хиленькую грудь колесом, попытался было взглянуть на зловредную тамаду свысока, но не вышел росточком, а потому взял голосом.

– Ма-а-ам!! – затрубил басом новоиспеченный супруг. – Ну чо нашего деда все кидают во все стороны?! Прямо швыряются им, будто он ведро мусорное! Маманя-а-а!!

– Ай, да отвяжись ты со своим дедом, – отмахнулась любящая мать. – Запихай его... ну хоть в темнушку, что ли, опять надрался!.. Так я вам, Ангелина Игоревна, серьезно рекомендую – отвалите от красной рыбы! У нас еще второй день свадьбы был намечен, а с вашим аппетитом, я смотрю, уложимся в один. А вы, между прочим, подарок всего на двести рублей принесли, а сами уже на восемьсот рублей наели!

– Да какие же восемьсот! Этот вонючий хариус у нас на рынке пьянчуги по полтиннику продают! – возмущалась Ангелина Игоревна, демонстративно запихивая в рот сразу всю рыбью тушку.

Хозяюшка пошла багровыми пятнами и готова была с головой нырнуть в бездонную соседкину утробу за белорыбицей.

Василиса пробралась к Люсе, демонстративно протянула ей руку с часами и в бессилии простонала:

– Все, Люся, все. Идем домой, отработали. Сил больше никаких не осталось. Сворачивай гармошку.

Люся не заставила себя уговаривать. Быстренько выдала последний аккорд и поднялась.

– Спасибо! Теперь у вас начинается самое веселье, то есть – вы сами себя веселите! А мы уж пойдем! Все было очень весе...

Подруга ее дернула за рукав, Люся вместе с баяном перышком влетела в спину Василисы и прервала пылкую речь.

– Сто-о-о-п!! Куда? – возопил вдруг здоровенный мужик с красной, как свекла, физиономией.

Все время, пока тамада выплясывала под собственные частушки, он пытался тоненько подвывать «Отец мой был природный пахарь». Но бойкая свидетельница невесты всякий раз ставила перед ним полный стакан, и мужчина лез чокаться с соседями. Сейчас же неисполненная песня требовала выплеска.

– А петь?! – сурово набычился он и ухватился за баян.

– Да куда вам еще петь? – нервничала Василиса. – И что вы все время хватаетесь? То за юбки, то за... Я вас где-то понимаю – у Люсеньки сроду ухватить нечего было, но не за баян ведь!

– А петь?! – ничего не соображал народный исполнитель. – А «Вот кто-то с горочки спустился»?! Так и проигро... прогнои... не будем, что ли?! Давайте тогда «Жениха хотела, вот и залетела»!

Тут уже вскочила худенькая нервная женщина в диких овечьих кудряшках и возмущенно затрясла прической:

– С чего это вы вдруг намекаете?! Моя дочь вовсе не хотела никакого такого жениха!! И вовсе даже не «залетела»! Он сам прилепился, как банный лист к... неприличному месту, а теперь, значит, «жениха хотела»!

– Нет уж, извините!!! – вскочила тучная мама жениха. – С чего бы это мой Витасик к неприличному прицепился?! Он завсегда только за приличные места цепляется!! А ежели ваша доченька что неприличное подсунула, так это... Играйте «Жениха хотела»!!

Люся и рада была бы сыграть, но краснорожий мужчина все еще цепко держался за баян.

– Играй, говорю!! – рявкнула матушка жениха и рванула баян на себя.

Многострадальный инструмент слабо хрипнул и позорно треснул.

– Что наделали, а-а-а?! – вдруг сиреной возопила Люся.

От маленькой хрупкой женщины такого воя не ожидал никто, в комнате мгновенно повисла тишина, и в этой тишине бился о стены Люсин крик:

– Я вас спрашиваю – кто мне заплатит?! Это же все равно что... все равно что мне руки оборвали!!! Все равно что искалечили!! Все равно что... прибыли лишили!!! Вандалы!!!

Василиса покрылась бледностью. Не то чтобы она сильно испугалась за Люсины руки, просто у них с подругой была недобрая примета – стоит только Людмиле Ефимовне разораться, как тут же на голову обеих рушатся неприятности. Да еще какие!! И главное, заткнуть Люсеньку еще никому ни разу не удавалось.

– Люся. Спокойно, – все же попыталась Василиса Олеговна. – Тихонечко собираем труп баяна, и домой. Тихонько. Люся, я тебя прошу, рот... Люся!! Захлопни ты рот!!!

Но Люсю понесло. Она уже пригрозила, что завтра же пойдет жаловаться губернатору, а заодно завернет в налоговую, а также в общество по защите животных, потому что уж очень много говядины на столе сегодня было, это ж сколько коров угрожали! Так нет, им все мало – они и до баяна дорвались!

Жених молчком вильнул куда-то в другую комнату, вернулся с конвертиком и стал настоятельно пихать его в руки орущей Люси. Та в праведной эйфории только сильнее сжимала баян и деньги брать отказывалась. Витасик нервничал все больше и уже толкал конверт строптивой музыкантке за пазуху. Почувствовав у себя на груди совершенно посторонние мужские руки, Люся затрубила паровозным гудком.

– Нахал!! Не успел жениться!! Меня порочить!!!

Гости загалдели, невеста не могла добраться до жениха и тянулась надавать любимому по щекам туфелькой, родители пытались конвертик перехватить, молодежь бурно скандировала: «Левее!!! Правее!!! Чуть левее!!!» – и только Василиса не потеряла светлого разума. Она вырвала конверт из рук жениха, гаркнула: «Все по местам!!!» – ухватила Люсю и с силой выдернула из комнаты. Люся, хныкая, летела за подругой, прижимая к себе павший в борьбе баян, но больше уже не кричала, а только слабо всхлипывала. Она и сама понимала, что накричала на свою головушку целый вагон неприятностей.

Уже подходя к дому, Василиса устроила подруге разнос по всем правилам.

– Как ты могла, легкомысленная женщина, так распоясаться, что даже... страшно представить! Повысила голос?! И это в то время, когда твоя родная дочь лежит в роддоме и в муках воспроизводит дитя!

– Она вообще-то уже произвела. Мальчика. Еще позавчера, не помнишь, что ли? – слабо пискнула в свое оправдание «легкомысленная женщина». И даже уточнила: – Вес четыре килограмма сто граммов.

– Молчи, несчастная!! – гаркнула на нее подруга, и новоиспеченная бабушка примолкла. – Лучше дай мне ключ!

– А твой где? – пискнула Люся.

Василиса обязательно раз в месяц теряла ключи, и Люся даже уже на это не сердилась, но теперь надо же было чем-то заткнуть рот Василисе.

– Я свой потеряла, да! Вот положила в кошелек, а теперь там его... нет, вот он, в кармане... Так я продолжаю!

Теперь уже Василиса в гнев металась по комнате и не могла успокоиться. Здоровенный кот Финли, а также черный терьер Малыш, который попал в руки подружек совершенно криминальным путем, осторожно удалились на кухню, от греха подальше, и ждали окончания воспитательного процесса.

– Ты что – забыла? Сначала ты из-за ерунды раскричалась, и у нас совершенно скоропостижно жених скончался, потом после твоего ора на старушек мор напал, потом вздумала скончаться владелица парикмахерской, потом... Тебе что – все вспоминать?! Я вот только сейчас поняла, злобная Люсинда, ты у нас, оказывается, маньяк! Серийный убийца! Да, Люсифер, ты – социально опасный элемент нашего славного общества, вот что я тебе скажу.

– Да что ты! – тихо охнула Людмила Ефимовна. – Да как же это я...

Но быстренько опомнилась и возмутилась:

– Ты уж, Васенька, следи за словами-то. Понахвatalась у своего сыночка, если он у тебя в милиции работает, так меня теперь научными терминами обзывать можно? И вообще! У меня горе – баян разорвали. Кстати, дай-ка деньги, давай-давай, я же видела, ты взяла у жениха. Это мне на новый музыкальный инструмент.

Заслышав про деньги, Василиса Олеговна весь процесс проработки свернула, кричать перестала, а даже напротив, вдруг примолкла, уперлась взглядом в старенькую люстру и воскликнула:

– Люся! Я у тебя последний раз спрашиваю – кто первый идет в ванную? Или ты шагай, или я полезу. Только сразу предупреждаю – я буду там долго, мне надо наложить маску и тонизирующие процедуры.

Люся хотела напомнить, что для процедур сейчас не самое подходящее время – половина четвертого утра, но только махнула рукой и удалилась в душ.

Спровадив подругу, Василиса вытащила из потайного кармашка конверт и заглянула внутрь. Люсенкин крик сегодня принес существенный доход – помимо оплаты свадебного увеселения, им преподнесли еще тысячу долларов, ни за что, ни про что. Если, конечно, не считать порванного баяна. Настроение сразу как-то взметнулось вверх, и Василиса, впорхнув в кухню, мило закудаhtала:

– Ой, а кто это у нас тут за мисочки попрятался? И чего это мои славненькие кошечки жратеньки не просят? И чего это мои золотые собачечки хвостиками не виляют?.. Кхм, да, Малыш, у тебя же нет хвостика. Да и кому он нужен. Так, ребятки, давайте-ка, налетайте!

Василиса гостеприимно распахнула холодильник, и проворная собачка сунулась сразу носом в колбасу.

– Нет, Малыш, это не тебе, это Люсе... Малыш!! Вот негодяй, отдай колбасу!! Ну теперь уже, конечно, не надо, Люся есть ее не будет.

Черный пес лихо ухватил солидный шмат колбасы, тотчас же исчезнувший в его пасти. После окрика хозяйки он добычу выплюнул, но хозяйка все равно не возразилась.

– А все из-за того, что Люся тебя не кормит, – ворчала она, отламывая колбасу коту.

– Чего опять на меня ворчишь? – появилась в дверях Люся.

Душ она приняла быстро – сильно клонило в сон.

Василиса одарила ее улыбкой Джоконды и поплыла в ванную. Денежный прилив ее отчего-то всегда успокаивал и делал необузданно любезной.

– Люсенка! – проявила она заботу уже из ванной. – Прими слабительное на ночь! Я наблюдала – ты сегодня ела, как молотобоец, честное слово. Твой желудок не справится!

Люсенка послушно выудила таблетку из аптечки, запила ее водой и только потом опомнилась – и зачем ей на ночь такие процедуры? И вообще – чего она ела-то? Она же все время на баяне играла! Ей с инструментом даже к столу неудобно было подсесть, так и сидела в углу комнаты на стуле.

И сейчас к еде не тянуло – хотелось поскорее в кровать, расправить уставшие от ремня плечи и растянуть натруженную спину.

– Спокойной ночи, Васенька, – тихо шепнула Люся закрытой двери и прошмыгнула к себе. У нее просто слипались глаза, а подруга очень любила посмаковать все свадебные подробности.

Людмила Ефимовна уже видела добрый, уютный сон, наверное, девятый по счету, когда ее бесцеремонно тронули за плечо:

– М-м-м?! – испуганно вздрогнула она, выныривая из дремы.

– Да ты спи-спи, я только спрошу, – послышался дружеский голос Василисы, и Люся почувствовала, как к ней под одеяло сунулась мокрая и холодная нога.

Подружка перетянула на себя одеяло и заворковала:

– Как тебе, Люсенка, свадьба? Скажи – слабенько, да? Нет, ну мы-то ее украсили, слов нет. Но жених-то!! Из богатеньких, а на ресторан денег пожалел, да?

– Кстати о деньгах, ты мне за баян отдай, – буркнула Люся, пытаясь отвоевать одеяло.

– Да ты спи-спи, – успокоила ее подруга. – Я говорю – женишок-то, прям тебе кузнечик, хоть и не мальчик уже, лет на шестнадцать молодухи старше. Маленький, хлюпенький, ножки жиденькие, смотреть не на что. Но вот тебе бы, Люся, подошел, по комплекции. А невеста у него ну вообще никакая, даром что молоденькая. Серенькая моль, да и только. А вот свидетели у них – да-а! И он красавец, богатырь, и она – прям тебе королева. И, между прочим, женаты. Да. Только неофициально. Но хватка у девчонки видна. Кстати, он тоже не молоденький, тоже лет тридцать шесть. Ты не помнишь, как его звали? Да ты спи, я сама помню – его Григорием звали, Гришей то есть. Очень приличный мужчина. Кстати, ты не обратила внимание, как он

на меня смотрел? Так и ел глазами, так и ел! И еще этот ел, как его... такой внимательный. Ну тоже такой молодой... Женя, кажется, вот он тоже на меня глазами так – зырк, зырк. А видела, как на него подружка невесты пялилась, а? А он на меня! Люся! Да ты спишь, что ли?

Люся с трудом разлепила веки:

– Сколько времени?

– Боже мой! Что тебя волнует! Шесть часов, – фыркнула Василиса. – Я же тебя предупреждала, что в ванной буду долго. Кстати, сегодня я применила совершенно замечательную маску – перемешиваешь спитой чай с медом, добавляешь майонеза, сливок и самую малость говяжьего жира, я его из тушенки выковыряла...

Чем там дальше занималась Василиса, Люся уже не слышала, она все же уснула.

Спалось ей отвратительно. Всю оставшуюся ночь горе-баянистку заталкивали в стену, отбирали подушку и стягивали одеяло. Под конец и вовсе кто-то перекрыл кислород, и Люся стала задыхаться.

– Да что ж такое? – вскочила она, когда уже дышать и вовсе стало нечем.

Рядом с ней сочно храпела Василиса, закутавшись в Люсино одеяло, скинув на пол свою подушку и обхватив своими длинными руками шею подруги.

Часы показывали восемь. Еще бы спать и спать, после рабочих свадебных ночей подруги могли отсыпаться до полудня, но спать Люсе упорно не давали. Теперь заработала таблетка, и несчастная надолго переселилась в санузел. Когда с желудком немного отпустило, наступило самое время вести собаку на прогулку.

– Ладно, пойду Малыша прогуляю, – зевнула Люся и зябко поежилась – на дворе моросил противный дождик, и выходить на улицу не хотелось. – Пойдем, Малыш.

Собака гулять под дождем тоже не рвалась, но и Малыш, и Люся уважали слово «надо». Спустя полчаса озябшая Люся вернулась в теплый дом, быстренько накормила мохнатых питомцев и зычно рывкнула у своей постели:

– Смена караула!! Пост сдан!!

Василиса вскочила с чужой кровати, как отличник боевой и политической подготовки:

– Пост принят! – браво салютнула она, не открывая глаз, и пошагала из комнаты, натываясь на стены и дверь.

Только закрыв за подругой щеколду, Люся блаженно растянулась в кровати.

Проснулась она оттого, что кто-то упрямо ковырялся в замке.

– Вася, ты, что ли? – спросила она, открывая щеколду.

– Ну слава богу! – вздохнула подруга. – А то я тебя кричу-кричу, а ты молчишь-молчишь. Я уж думала, ты тут бездыханная... Времени-то знаешь сколько?! А тебе, между прочим, еще к Ольге!

Люся заторопилась. И в самом деле – надо было успеть навестить дочь и маленького внучонка. Может, сегодня Ольга покажет его в окошко.

Василиса тоже ринулась было навестить молодую маму, но Люся сей порыв пресекла:

– Ты давай ужин готовь. Я всю неделю парилась, теперь твоя очередь.

– А может, того... яишенку? – предложила Василиса.

– Нет уж, давай сегодня по всем правилам – суп, рассольник какой-нибудь, второе и десерт. Твоя очередь.

Василиса скорбно скривилась и обиженно уплыла в кухню жаловаться коту на судьбу-злодейку, Люся же, набив сумку фруктами и молочными продуктами, понеслась на остановку.

То ли ей показалось, то ли на самом деле от дома тут же отъехала черная иномарка и медленно поползла за Люсей до остановки. Женщина прокрутила в памяти всех знакомых – никто такими машинами не владел. Значит, ошиблась. «Мерещится черт-те что», – подумала Люся, проталкиваясь в набитый автобус, и тут же выкинула машину из головы.

Дочь ее встретила у раскрытого окна собственной палаты и сразу же затарахтела:

– Мамочка, фрукты я не возьму, мне Володя и так полную тумбочку забил, молочное тоже не нужно, весь холодильник заставлен, вези обратно. Да и ты тоже – тащишь и тащишь! Столько фруктов навезла – зоопарк месяц мог бы кормиться! Кстати! Хочу тебе сообщить важную вещь – мы решили назвать сынулю Васенькой!

При этом имени перед глазами Люси немедленно возник образ длинной, взбалмошной подруги.

– Ну отчего же сразу и Васенька? – огорчилась она. – Что уж, кроме этого, и имен никаких не осталось? Вот можно замечательно назвать мальчика... Юлианом каким-нибудь. Или еще Люсьеном, например! Чего уж сразу – Васенька?

– Мам! Ну какой Юлиан? А тем более – Люсьен? – фыркнула Ольга. – Ну сама посуди – Люсьен Владимирович Орфеев! Курам на смех. А вот Василий Владимирович – звучит. А ласково можно звать – Василек, Васятка, Васенька...

– Ну я не знаю... прямо как котка какого-то... – окончательно расстроилась Люся. – Тебя когда выписывают-то?

– Наверное, послезавтра. Ой, мам, меня на уколы зовут, я побежала, ага? – всполошилась дочь, и Люся побрела обратно к остановке.

Жить не хотелось. Ну что ж такое, в самом деле! В кои-то веки сделалась бабушкой, и на тебе – единственного внучонка решили назвать в честь подруги, а не в честь ее лично. Васенька! Конечно, Люсино имечко никак на мужской лад не перекроишь, но... но зато можно отчество! А чем плохо – Людмила Ефимовна, значит, мальчик будет Ефимкой! И как же это она сразу не догадалась?! И до Ольги не дошло!

Люся резко развернулась и кинулась обратно к роддому. Но дорогу ей преградил черная иномарка.

– Людмила Ефимовна? – Из приоткрытого окна спросила молодая девушка в темных очках. – Садитесь, подвезу.

«Значит, не померещилось мне возле дома-то», – тяжело вздохнула Люся, не ожидая от такого сервиса ничего хорошего.

– Садитесь, садитесь, чего ж вам на автобусе переться, – настаивала девушка.

Людмила Ефимовна по-гусиному вытянула шею и, как ей казалось, незаметно заглянула в салон – никого, кроме молодой дамочки, там не наблюдалось.

– Ой, боже мой! Ну кого вы здесь хотите встретить? – дернула плечиком девушка. – Меня предупреждали, чтобы вы ехали в совершенном одиночестве и со всеми удобствами. Все условия соблюдены, можете открыто проверить.

– То есть – на самом деле со всеми удобствами? И даже радио можете включить? – поразились Люся, но тут же сделала вид, что разъезжать на крутых иномарках для нее ни в какую не в диковинку, тряхнула кудряшками и притворно вздохнула. – Ну куда от вас денешься – довезите, только сразу предупреждаю – у меня пенсионное удостоверение, оплата по льготам, то есть как в «Скорой помощи» – бесплатно. Правда, могу рублей двадцать на чай выделить.

– Ну что за ересь, – возмутилась девушка и совершенно серьезно добавила: – За все заплачено.

Люся послушно хихикнула своей шутке и уселась на заднее сиденье. Минут десять они ехали в полнейшем молчании, потом Люся вдруг заволновалась:

– Так, сейчас, девушка, вон в тот поворотик завернуть, а там еще немножко проехать...

– Я знаю, – вежливо улыбнулась девушка. – Вас ведь домой?

– Ага... ну да, домой, – растерянно мотнула головой Люся и уставилась в затылок водительнице.

Ее мучил один вопрос – где и когда она успела познакомиться с этой навороченной дева-хой? Люся всегда себя чувствовала неуютно, когда человек ее знал, а она не могла его вспомнить, это сразу наталкивало на мысль о склерозе.

– А вы с моей дочкой Олей случайно не учились? – не выдержала она.

– Нет, мы не учились с вашей дочкой Олей, – официально ответила барышня за рулем.

– А, простите, собачками не интересуетесь? – снова «закинула удочку» пассажирка.

– Нет, собачками я не интересуюсь, – все так же дисциплинированно отвечала девушка.

Люся помолчала, напрягая извилины, потом выдала свежее предположение:

– А по убийству вы у нас нигде не проходили?

Затылок девицы вздрогнул, но голос был по-прежнему ровный:

– Нет, и по убийству пока не проходила.

– Странно... вот никак не могу вас вспомнить. Ну-ка, повернитесь ко мне лицом. Повернитесь, повернитесь.

Девушка по-мужички крякнула, поерзала на сиденье, но поворачиваться не стала.

– Я не могу лицом, тогда к дороге спиной поеду, а здесь движение бойкое, – терпеливо объяснила она. – И это все равно ничего не даст, вряд ли вы меня узнаете.

Люся пожала плечами и смирилась. Да и что, в конце концов? Довезет девчонка до дома, ничего страшного. Эка невидаль – лица не может вспомнить! Это же не кошелек где-то оставить!

Возле самого подъезда девчонка притормозила, Люся выскочила из машины и рассыпалась в благодарностях:

– Ну спасибо тебе, красавица! Как бы я сейчас в автобусе тряслась, жара такая! Вот спасибо, а то теперь ведь как – без копейки шагу не сделают, а уж человека даром подвезти, так и вовсе удавятся. А ты прям умница какая.

– Я тоже без копейки не сделаю шагу, а уж подвезти – и сама кого хочешь удавлю: нынче один бензин ползарплаты жрет. Но ваш сын хорошо заплатил, так что... – И девица дала по газам.

– Да, он у меня такой, он всегда платит, – гордо дернула головой Люся и призадумалась. – А сын – это Володя, зять, что ли? Какой сын-то? Откуда? У меня пока только дочка одна...

Однако машины уже в поле зрения не наблюдалось, поэтому спросить имя благодетеля было не у кого.

Кроме зятя, других сыновей у нее не водилось, поэтому Люся при первом же удобном случае собиралась сказать мужу дочери сердечное спасибо.

Вечером, когда подруги мирно усаживались смотреть телевизор – сегодня должны были показать старый фильм про красивую, трепетную любовь, – в дверь позвонили. Малыш вско-чил и грозно рявкнул – это означало, что в гости к дамам нагрянули незнакомцы.

– Сейча-а-а-с, минуточку, – пропела Василиса и, подскочив к зеркалу, поправила прическу. – Уже иду.

В это время на экране уже поползли титры долгожданного фильма, поэтому кое-что Люся упустила. Опомнилась, когда перед ней уже лучилась оскалом пухлая женщина в белом наряд-ном переднике и с пышной хризантемой на голове вместо косынки:

– Где стол накрывать будем? – сверкнула незнакомка безупречными зубами и качнула хризантемой.

– Да где вам угодно, на кухне вон стол свободный, – отмахнулась Люся, но тут же вско-чила с кресла и захлопала глазами. – А, позвольте спросить, с чего это вы, уважаемая, у нас свой стол накрывать собираетесь? Пройдите к себе, там и накрывайте.

Женщина не смутилась. Она ласково толкнула хозяйку обратно в кресло и запела, как старая добрая тетушка:

– Да вы не волнуйтесь. Вовсе мы не для себя накрывать будем. Это ж надо такое придумать – свой стол я у них в доме накрою! Хи-хи, шутница! Да вы сидите, не тревожьтесь! Только вот кобелька своего придержите, больно он у вас... внушительный.

Люся оторопело слушала женщину, а та между тем уже махнула кому-то рукой, и в кухню торопливо внеслось несколько человек. На небольшой столик немедленно была накинута кружевная белая скатерть, и уже на скатерти стали появляться бутылки с дорогим вином, фрукты, тарелки и всевозможные вазы с неизвестными блюдами.

Возле стены такая же ошарашенная стояла Василиса, пялилась на бегающих официантов и крепко держала Малыша за ошейник.

– Вот и все, – не переставала радоваться неизвестная тетка, когда маленький паренек в белой форменной курточке приволок огромный, как колесо машины, торт. – С днем рождения вас, Людмила Ефимовна.

– С днем! Рож!де!ния! – будто на плацдарме, проскандировала бригада неизвестных угощенцев и ровным строем покинула квартиру.

– Стойте!! – опомнилась Люся и выскочила за ними в подъезд. – Какой день рождения? Сейчас же лето!!

Женщина за пределами квартиры уже изъяснялась без дурацкой клоунской улыбки, просто:

– Ой, госсыди, да нам-то какая разница? Ваш сынок заказал, мы обслужили! Кстати, я губы не размазала?.. Федь! Меня подождите! Нам еще на Устиновича!

– Да какой сынок-то?! Ни фиги себе – хорош сынок, не знает, когда у тещи день рождения! – кипела Люся.

– Это уж вы сами разбирайтесь, – махнула рукой женщина и, грохоча каблуками, заторопилась вниз.

Возле стола уже крутилась Василиса и тыкала во все блюда длинным пальцем:

– Люсь! Нет, ты глянь! Рыба фаршированная, кажется, щука. А чегой-то ей в пасть затолкали? Люся, выковыривай, это оливки, я их не ем. Ой, ты посмотри, торт на стол не влез, они его на окно водрузили. Финли, паразит!!

Кот быстрее хозяек распознал, что на окне замечательный десерт, запрыгнул на подоконник и теперь слизывал сметанные розочки. Рядом крутился и Малыш, но столь нагло воровать продукты не осмеливался.

– Люся, а это что за бутылка? Не трогай, тебе пить нельзя, издалека смотри!

– Вася, не ломай блюда, здесь какое-то недоразумение, – проговорила Люся, оглядывая украшенный стол. – Это мне от сына. Ты слышишь, Вася, от сына! А у меня только дочка есть, ты же знаешь.

Василиса устало склонила голову набок и пожаловалась Малышу:

– Вот и как с ней жить после этого? У нее совсем мозги веревочкой скрутились. У нее, видишь ли, только дочь! Люся! А муж дочери тебе кем приходится?

– Зятем! – округлила глаза Люся. На долю секунды задумалась, потом еще решительнее проговорила: – Я точно знаю – зятем. А его жена мне... дочь получается. Родная. А сына нигде нет.

– А если по-русски? По нашим добрым русским обычаям – кем? – допытывалась Василиса у подруги, точно у маленького дитяти. – Ну ты выдаешь дочку замуж, и ее муж тебе становится... Ну? Кем? По нашим добрым русским обычаям?

– По традициям он мне приходится нашим добрым русским зятем.

– Да сыном он тебе становится, ясно?! – кончилось Василисино терпение. – Вот Володька и расстарался! У него ж такой повод появился – родился наследник! И одаривает тебя твой зятек, так сказать, заранее умасливает, чтобы ты с внуком больше водилась.

– А чего меня маслить, я и так сидеть буду, – пожала плечами Люся. – Ты вон сколько лет бабушка, а я только что стала ею, да неужели я с родной кровиночкой, с деточкой... Они, изверги, знаешь как ребенка назвали? Василием! Это же как надо мальчонку обидеть, чтобы его таким убожеством наградить, – пожаловалась она подружке.

Однако подруга не прониклась. Она даже напротив – затрясла подбородком и часто-часто заморгала глазами. Даже прекратила тыкать пальцем в украшенный салат:

– А чем это тебе мое имя не нравится? Вот так сюрприз! Живу тут с ней, живу, а она, оказывается, мое имя на дух не переносит!

Люся спохватилась, но было поздно.

– А с чего это ты решила, что имя твое? Оно, между прочим, всеобщее достояние! У нас даже Чапаева Василием звали!

– Вот именно, – напыщенно качнула головой Василиса. – Меня как раз в честь него и назвали.

– Нет, Васенька, тебя в честь Василия Блаженного именовали, – вздохнула Люся и попле-лась к телефону.

Она как-то еще немного сомневалась, что Володя решил одарить ее таким вниманием. Однако домашний телефон у зятя молчал, а номер сотового надо было искать. Тем временем Василиса уже вовсю стучала вилкой о тарелку, доедая очередной кулинарный шедевр.

– Ну что ж, Вася, давай выпьем за моего внука, – уселась за стол и Люся. – Не важно, как его будут звать, главное, чтоб здоровенький рос.

– И счастливенький, – поддакнула Василиса и опрокинула в себя рюмочку.

По второй подруги выпить не успели, хотя Василиса уже придумала тост: «Чтоб бабушки у твоего внука всегда так ели, как мы сейчас». Немножко мещанский, правда, тостик, явно с гастрономическим уклоном, зато от чистого сердца. А вот выпить не успели – в дверь звонили. Теперь Малыш не лаял, а недовольно ворчал.

– Иди, Люся, к тебе, – вздохнула Василиса. – Это Таракашин, как пить дать.

Таракашин Виктор Борисович приходился Людмиле Ефимовне как бы далеким, несостоявшимся мужем. Это он являлся отцом Ольги, но вспомнил об этом буквально года два назад. Лет тридцать Виктор Борисович мотался вдали от родного чада и Люси, а вот совсем недавно обнаружилось, что родной папенька самого Таракашина – бодрый старичок, нажил себе миллионы где-то за границей и делиться с кровинушкой не собирается. Нет, он бы и не прочь, но обязательно старику хочется, чтобы сынок Витюша не просто прожигал состояние, а тратил его исключительно на процветание семьи. А потому первейшим условием получения наследства стало наличие этой самой семьи у Виктора Борисовича и, что особенно важно, родных детей. И как-то так вышло, что ни одна дурочка, господи прости, не решилась от Витюши этих детей заиметь, а теперь ему уж и самому немотугу было их производство. Вот и вспомнил Таракашин, что есть у него, однако, та самая смелая дурочка, в смысле, любимая женщина, которая когда-то отважилась подарить свету дочурку – его, Таракашинскую. Найти Люсю большого труда не составило, но вот закрепить свои отношения законным браком у него до сих пор не получалось. Но надежда на наследство не угасала, и каждый раз она гнала Виктора Борисовича к знакомым дверям.

– Люсенька, белочка моя, я к тебе с вечерним поклоном, – скалился в дверях Таракашин, сжимая в руках пыльные газонные ноготки. – Я все хотел спросить – не стал ли я добрым дедушкой? По времени выходит – самый срок.

Он пламенно улыбнулся и вдруг нервно задержал носом – из кухни веяло праздничными ароматами.

– Люсюшка, я вижу, в самое время угодил, да? – сверкнули неподдельной радостью рыбы очи кавалера. – Чую-чую – радость обмываете? Да держи же ты букет! Я руки помою – за этими

цветами пока по клумбам наскочишься, всю грязь соберешь. Осторожно бери, Люсенька, там тля.

Пока Людмила Ефимовна брезгливо ополаскивала цветы и толкала их в литровую банку, гость уже уселся в центре стола и радостно потирал руки.

– Это вы прекрасно придумали, – ворковал он, не обращая внимания на яростные взгляды Василисы. – Вот так, вечером, пригласить друзей, накрыть пышненький столик... Дайте-ка мне, любезнейшая, вон ту бутылочку с красивой этикеточкой, я ее себе в гараж возьму, надо мужичков порадовать. Давайте, давайте, не жмитесь.

Василиса ухватила бутылку и демонстративно устроила ее у себя за спиной.

– Вот смотрю я на тебя, Таракашин, и чего ты вечно ходишь, куски подбираешь? Чего б тебе работать не пойти? Днем бы вкалывал, как ненормальный, а вечером бы в гараж, с мужиками пиво пить, все как у людей. Ведь здоровый же мужик!

Таракашин оскорбленно дернул кадыком и вытянулся на стуле колом.

– Вот только не надо... не надо ворошить мою больничную карту! У меня знаешь сколько болезней обнаружено?! Наши светила даже лечить отказались. Да, так и сказали – идите вы со своими болячками... обратитесь к народным средствам, стало быть, к нетрадиционным методам. Вот я и лечусь – нетрадиционно! Все привыкли, что алкоголь – это яд, больным его в пищу ну никак не рекомендуется, уже традиция такая завелась, а я – нетрадиционно! Пью – и хоть бы хрен! Все одно болею! Ведь у меня – и... эта, как же ее... диарея, и пупочная грыжа, и...

– Энурез, – любезно подсказала Василиса.

– Да-а-а, а как же, и это тоже имеется, – гордо подтвердил Таракашин. – А еще... как же называется, мне еще врач говорил... Геморрой, во!! Это воспаление спинного мозга, как раз в окончании спины.

Василиса дернула носом и опечалилась:

– Это, Таракашин, очень опасно, потому что у тебя весь мозг в окончании спины как раз и сосредоточился, – тяжело вздохнула она.

– Так я ж и говорю! Как же после этого работать?! Нет уж, лучше предлагаю – выпить за мое здоровье! – воспрянул Виктор Борисович.

– С чего это за тебя-то? – появилась на кухне недовольная Люся.

Всякий раз, когда в гостях появлялся позор ее молодости, у нее резко портилось настроение.

– А за что? За вас? – вытаращился гость, но тут же яростно принялся долбить себя по лысине. – Ах ты, черт, совсем, совсем из головы вышибло!! За Оленькиного ребеночка!! Люсенька, твоя чучундра спрятала бутылку за спину и не отдает, поставь ей на вид.

Люся, сжимая зубы, достала еще одну рюмку и выставила перед Таракашиным. Как бы то ни было – внук, получается, и его тоже.

– Итак! – браво вскочил Виктор Борисович с полной рюмкой. – Выпьем за... Люсенька, кто у нас там родился?

– Мальчик, – просветлела лицом Люся.

– Васенька! – гордо добавила Василиса.

– А почему Васенька? Что это Ольга, другого мальчика не могла родить? Я от одной Васеньки не знаю куда деваться! – недобро прищурился он на Василису.

Но Василиса Олеговна стала медленно подниматься, и на устах Таракашина забрезжила улыбка.

– А и хрен с ним, пусть Васенька! Все же не Боб какой-нибудь или Питер, правда ведь? – И он резво опрокинул рюмочку.

Люся по глоточку цедила дорогое вино и на последнем глотке чуть не поперхнулась – в дверь настойчиво звонили, по-служебному. Ни Василиса, ни Таракашин даже не шелохнулись,

пришлось Люсе спешно откашляться и бежать открывать. Вернулась она бледная и растерянная.

– Люсе... Ого!!! А это еще кто тебе клумбу припер?! – грозно сдвинул брови несостоявшийся супруг.

Люся стояла в пурпурном облаке роз.

– Люся! С ума сойти! – всплеснула руками Василиса. – Это тебе Марта Павловна притащила со своей дачи, да? Она говорила, что у нее воруют постоянно, так лучше самой срезать.

– Какая дача, Вася! – лепетала Люся. – Это мне курьер принес. Смотри...

И она протянула красочную открытку: «С днем рождения, мамочка! Твой сын».

– А еще вот это... – В руке у Людмилы Ефимовны была небольшая длинненькая коробочка, обитая бархатом.

– А там что? – вытянул шею Таракашин. – Лотерейный билет?

Люся молча раскрыла коробочку – на вычурной золотой цепочке красовался кулон, украшенный самым настоящим бриллиантом.

Василиса не сумела перенести этого достойно:

– Нет, ну ты скажи! – вскочила она, звякнув вилок. – Ну с чего уж твой Володенька так расстарался, а? Твоя-то какая заслуга, что они догадались ребенка родить? И вообще! Что это Владимир, не мог мне такой же бриллиантик подарить?

Люся все никак не могла оправиться от подарка и настроения подруги не разделяла:

– Ты все еще думаешь, что меня одаривает зять? – тихо спросила она.

– А у тебя есть еще сыновья? – насторожилась Василиса. – Нет, ну мало ли с кем не бывает – родила сыночка да подзабыла, такое в сериалах нередко показывают.

Люся от обиды часто-часто задышала, потом плюхнулась прямо с розами на стул и постаралась пропихнуть кусок красной рыбы в рот через колючие ветки. Ничего не получалось, тогда она бросила это зряшное занятие и уперлась в подругу разгневанным взглядом:

– Вот ты мне, Васенька, скажи, а ты такого сына забыла бы? У меня вон одна дочь, и то за нее вся душа изболелась, а ты говоришь – сы-ы-ы-н!

Таракашин сначала молча поглощал мудреные закуски, только обиженно икал и, пользуясь случаем, безнадзорно угощался спиртным. Но затянувшиеся дебаты про неизвестного сына заставили его вилку отложить.

– Я чего-то никак не могу уловить красную нить вашего спора. Люсенька, ты что же это – где-то успела еще и сына родить? Дай-ка мне глянуть, что это за стекляшки тебе приволокли...

– Сейчас прямо! – гаркнула Василиса, подскочила, вырвала из рук Люси футляр и запихнула себе в декольте домашнего платья. – Люся, не переживай, у меня здесь как в сейфе. Ну что, Таракашин, и туда полезешь?

Бедолагу просто отшатнуло:

– Да что ж я – самоубийца, что ли? – испуганно заморгал он и переключился на более спокойный объект: – Так ты отвечай мне, неверная женщина! Где мой конкурент?! В глаза смотреть! Я тебе вот что скажу – или немедленно возвращай обратно эти стеклярусы, или выходи за меня замуж! Я более такого надругательства над собой не намерен терпеть! Она, значит, сыночков каких-то плодит, а я, значит, живи как знаешь, без всякого родительского наследства!

– Таракашин! – вдруг поднялась Люся и протянула ему розы. – На вот тебе букет и это... иди продай. Он сейчас знаешь сколько стоит... Ступай, не до тебя сейчас. И без того голова раскалывается, еще ты тут блохой скачешь.

Виктор Борисович решил всерьез на блоху оскорбиться, но идея с букетом ему понравилась.

– Хорошо-о-о, – мстительно покачал он плешивой головешкой. – Я уйду... кстати, дайте-ка мне пакетик, продукты сложить некуда... Да, и букетик завернуть не забудьте. В оберточную

бумагу. Или лучше не трогайте! Давайте прямо в той бумаге, в какой букет принесли. Я тебя понимаю, Люсия, ты избалована, тебя сегодня всю обсыпали цветами – то я, то еще какие-то близкие, прямо несут и несут, как на могилу, но...

Подруги не стали слушать его жалобы, бодро вытолкали гостя из дому, а Василиса даже продуктов на дорогу не дала, только всунула еще ему банку с газонными ноготками.

– Все, до свидания, – толкала она его в спину. – А это великолепие всучишь какой-нибудь дуре. Если такая отыщется.

– Люсенька, я тебе их в следующий раз принесу, – распыхтелся Таракашин и уже совсем в подъезде опомнился: – Позвольте, а фруктиков?.. Мне вот еще не хватает...

– Да-да-да, нам тоже будет вас не хватать, – не давала вставить слова Василиса. – Встретимся у фонтана.

Виктор Борисович хотел возразить, но дверь с грохотом захлопнулась.

– Ну и что ты думаешь? – уселась Люся на диван. – Дай хоть коробочку рассмотреть, я даже не взглянула как следует.

Василиса только отмахнулась:

– Да чего там смотреть? Бриллиант как бриллиант. Ты лучше вспоминай – кого ты, кроме Ольги, на свет произвела, что он тебя до сих пор забыть не может и вон как одаривает?

Люся погрустнела. Лицо у нее стало и растерянным, и даже немного испуганным:

– Вася, да не было у меня никого, никаких побочных детей! Ну что я – крольчиха, что ли, чтобы где-то дитя родить и выбросить его из головы!

– А на Володю бриллиант не тянет, – поцокала языком Василиса. – Нет, он вообще-то мужчина не бедный и при желании мог бы... Люся, он даже не догадывается, что эти бриллианты существуют! Он же весь в работе. А теперь вот в ребенке. Он тебе памперсы мог притащить или там смесь молочную, но такое украшение... Скажи, а ты ему никак не намекала, что мечтаешь о цепочке с камушком, нет? А песенку «лучшие друзья девушек – это бриллианты» не пела?

Люся с сожалением покачала головой.

– Тогда это точно не он, – пришла к выводу Василиса и кинулась к телефонной книжке. – Чего гадать – бери и звони.

Зятя снова не было дома, но по сотовому телефону он ответил сразу же.

– Алло, Володя! Ты в порядке? – От волнения Люся кричала в трубку, хотя связь была великолепной. – Я тебе не могу дозвониться, ты где?

– Нет, я не в порядке! – кричал в ответ молодой отец. – А ко мне сразу надо было на сотовый, потому что я на седьмом небе! От счастья! Я сейчас купил такую кроватку – с ума сойти!! Еще надо цветы заказать.

– Володенька, а ты мне бриллиант не покупал? – наивно поинтересовалась теща.

Зять на минуту онемел. А потом зачастил:

– Да я... в общем-то, я в них не сильно разбираюсь... а вы что – очень хотели? Нет, я как раз за ним и собирался. А у нас в городе их где продают-то?

– Володя! Я не хочу! Не вздумай! Я просто подумала – вдруг ты сдуру возьмешь да и купишь, предупредить хотела – не надо! Не траться!

– А-а, предупредить. Да с чего бы я стал вам дарить... кхм... в смысле, хорошо, что предупредили, а то я уже подъехал к супермакету, как раз хотел отовариться по-крупному.

– Нет-нет, не надо, – еще раз попросила Люся, отключила трубку и с совершенно серым лицом повернулась к подруге: – Вася, это не он.

Василиса согласно мотнула головой и осторожно выудила коробочку с кулоном из потаенного места. Люся взяла футляр и раскрыла. Бриллиант при искусственном свете заиграл всеми гранями.

– За что? – пролепетала Люся.

Василиса отнеслась к этому более спокойно. Она вообще не видела ничего необычного в том, что им кто-то подарил такую вещицу, на то они и женщины, чтобы получать нескромные подарки.

– Люся, а с чего ты вообще решила, что бриллиант подарили тебе? Дай-ка открытку! Где она?

Открытка нашлась на кухне.

– Ну вот, «С днем рождения, мамочка! Твой сын». И все. А где тут написано – «с днем рождения, Людмила Ефимовна Петухова, моя любимая мамочка»? Нет такого! А этой открыткой кого угодно поздравить можно. Я даже примерно знаю, кого это поздравили. У нас наверху Матвееенко Галина проживает. Ты знаешь. Так вот у нее сынок – Алешка, всю сознательную жизнь пил, а две недели назад она его закодировала. И не пьет мужик. Так я думаю, он как раз матери такой сувенир и вручил. Дескать, спасибо, родная мама, что отвела меня от зеленой заразы! Точно тебе говорю. А эта Матвееенко как раз над нами проживает.

– Да ну тебя, – нахмурилась Люся. – Чего собираешь? Этот Алешка всю жизнь дворником работал, чтобы ему квартиру дали, откуда у него деньги на бриллианты?

– Так на водку же где-то брал? И здесь нашел! – упиралась Василиса, хотя ей и самой эта мысль уже не очень нравилась.

Она вдруг отчетливо вспомнила, что женщина, которая приходила накрывать стол, четко поинтересовалась: «Людмила Ефимовна Петухова здесь проживает?» И только после того, как убедилась, что та проживает именно здесь, стала метать икру на стол.

– Понимаешь, – вспоминала Люся. – Меня от роддома такая машина довезла! Иномарка!

– Да разве сейчас кого ими удивишь? – фыркнула Василиса. – Я просто удивляюсь – отчего ты наши деньги на такси разбазариваешь. И это в то самое время, когда у меня нет даже приличной сумочки! Я намеренно такую прелесть видела из крокодиловой кожи. Между прочим, если продать бриллиантик, как раз на нее хватит. Люся! Ну на кой черт нам сдались эти побрякушки? Ты что – станешь цеплять этот брюлик на свою морщинистую шею?

Люся даже не ответила. Она принялась доказывать, что никаких денег не потребовалось, что ее вообще довезли даром и еще при этом долго уговаривали, чтобы она села в иномарку.

– И ведь, что самое интересное – тоже сказали, что расплатился сын!

Василиса сморщилась. Уж как не хотелось признавать, но пришлось согласиться, что кулон придется вернуть, потому что Люсю просто с кем-то перепутали.

– Ну что ж, не жили богато... – тяжело вздохнула она, потом отряхнулась, как собака после лужи, и заговорила совсем другим тоном, будто убеждая кого-то невидимого: – А чего ты так перепугалась-то? Ну подумай – спутали! С кем не бывает! Мы же сами никого в заблуждение не вводили. Попросят вернуть эту цепочку – так пожалуйста! Забирайте! За!би!рай!те! Про!жи!вем! если вам жалко для прелестных дам каких-то камешков! Фи! Мы с тобой, Люся, дороже стоим. Я так определенно дороже... А может, еще и не попросят. И потом, знаешь, мне кажется, я еще вполне успею сходить в этом кулончике к Ольге на крестины малыша.

Люся пожала плечами. Она не могла объяснить, но предчувствие у нее было самое недоброе.

– Василиса, ты знаешь, я думаю, что нас перепутал весьма состоятельный человек.

– Я тебя умоляю! – легкомысленно фыркнула Василиса. – За нашу-то жизнь нас кто только не путал. Это тебя трясет оттого, что бриллианты подарили. А вот ты вспомни, соседка наша сколько раз забирала у меня своего пьянчугу-мужа?! Вспомни! Потому что меня с какой-то девицей путала. А я просто не могла от этого Сашки отделаться!

Действительно, случилось однажды, что Василиса открыла дверь, не спросив, и к ней тут же ввалился пьяный в дугу соседка. А потом они с Люсей никак не могли его выпереть, потому что в нем веса – как в индийском слоне. И Валентина тогда чуть Васеньке последние волосины не выдергала. Но так это же было совсем другое.

– И все! И забудем! – наседали Василиса. – А застолье предлагаю съесть. Пусть они потом сами разбираются с той фирмой, у кого заказывали. Все равно эти яства испортятся.

Конечно, они снова уселись за стол и набросились на дармовое угощение. У Люси пропал аппетит, и она вяло ковырялась вилкой в своей тарелке. Только перед сном, когда она твердо пообещала себе спросить в справочной службе о наличии в их городе еще одной Людмилы Ефимовны Петуховой, она немного успокоилась.

На следующий день о неизвестном сыне вспоминать было некогда – Люся с Василисой готовились завтра встречать Ольгу из роддома.

– Вася, а я все же предлагаю – коляску! – настаивала Люся, когда они с подружкой выбрали подарок Ольге и младенцу. – Ну скажи, на кой леший новорожденному ребенку пылесос? А тем более микроволновка. И потом – у них уже давно все это есть.

Василиса хотела пылесос. Дорогой. И микроволновку. Потому что у входа в магазин огромными буквами кричал плакат «Берешь один пылесос, второй бесплатно!». И то же самое с микроволновкой. А их с Люсей пылесос давненько скончался. И ничего похожего на микроволновку вообще никогда не водилось. А тут еще подружка Маша купила себе сразу две эти необходимые вещи, и Василиса теперь даже не могла с подружкой поддержать беседу. Нет, ну в самом деле – они же с Люсей не в каменном веке!

– Люся! – закатывала глаза сторонница бытовой техники. – Как ты не понимаешь! Эти предметы всегда необходимы! И их никогда не бывает много! Ну есть у них пылесос! А мы подарим еще один – специально для детской! И все рады! Я же о тебе пекусь!

– А я говорю – коляску! – уже сурово сдвигала брови Люся. – Я обрадуюсь только коляске!

Василиса временно сдалась. Она была уверена, что, увидев цены на детские коляски, Люсенюка станет куда сговорчивее.

В детском магазине выбор этих четырехколесных прелестей был самым обширным.

– Давай вот эту! – подтащила Василиса подружку к самой навороченной модели, чтобы уж сразу окончательно отбить охоту к таким покупкам. – Ты же понимаешь, наш Василек должен разъезжать в самой красивой. А эта вон какая – голубенькая, с белыми облачками, сама бы на ней ездила!

Люся нервно сглотнула. Эта коляска и правда отличалась от всех прочих – и красотой, и удобствами, и, что самое обидное, ценой.

– Нет, Вася, нам ее не потянуть, – шмыгнула носом бабушка. – Давай вот эту. Смотри, тоже симпатичная коляска.

– На инвалидную похожа, – сквасилась Василиса. – Вся темная какая-то... Нет, эту не берем. А если вот эту? Беленькую?

Беленькая была тоже из класса «не для бедных». У Люси даже затрясся подбородок.

– Ты что – специально издеваешься, да? – прошипела она. – Сейчас пойду, займу у твоего Пашки денег до получки, и купим эту беленькую, если тебе так нравится!

Неожиданно к спорщикам подошел высокий молодой человек в черном форменном костюме и учтиво поинтересовался, обращаясь к Люсе:

– Вы уже выбрали покупку? Здесь совершенно замечательные вещи. Главное – качественные.

– А еще дорогие! – прервала его рекламную песнь Люся. – Что это вы такие цены ломите? Это сколько же надо молодой мамочке зарабатывать, чтобы своему ребеночку такое качество позволить? Я вот, например, не могу!

– А вам и не надо, – светло улыбнулся парень. – Вы ее можете забирать так, за все заплачено.

Люся потеряла дар речи. Зато Василиса ухватила за ручку коляски и молчком потащила ее к выходу – она решила, что без лишних вопросов получится дешевле. Однако вредная Люся ухватила ее за блузку.

– Куда?! Пусть этот человек объяснит, за какие такие заслуги он нам дарит такую ценную вещь! Василиса, стоять!! Молодой человек!! Извольте объясниться!!

Василиса отпустила коляску и, что-то напевая себе под нос, уставилась на квадратные люстры.

– Так я спрашиваю! – гремела госпожа Петухова. – За что?!!!

Молодой человек вел себя абсолютно спокойно.

– Уважаемая Людмила Ефимовна. Вы так долго выбирали коляски, что некий господин, пожелавший остаться неизвестным, не смог больше вытерпеть ваши торги, сразу уплатил крупную сумму, а сдачу позволил перевести на счет магазина. Так что вы можете себе позволить самую крупную покупку.

– А две крупных можно? – не удержалась Василиса.

Парень сразу потерял улыбку, скорее всего его беспокоил «счет магазина», но пожал плечами:

– Выбирайте.

– Василиса!! – взвизгнула Люся. – Мы ничего здесь выбирать не станем! Мы идем в другой магазин!

Парень снова обрел возможность улыбаться:

– Коляски еще продаются на Кольцевой. Там недавно завоз был, – любезно подсказал он и потерял к дамам весь интерес.

Люся вышла из магазина в холодном поту.

– Нет, ты видела?! – кипятилась она. – Какой-то господин, видишь ли, не смог терпеть наши торги!

– Честно говоря, Люсенька, были бы у меня деньги, я бы тоже кому угодно их отдала, лишь бы не видеть, как ты каждый раз умираешь, взглянув на ценник.

– Ва-а-ся! – простонала подруга. – Ты что, не поняла? Этот парень назвал меня по имени-отчеству! Откуда ему известно, как меня зовут? Я что – каждый день пеленки покупаю?! Я здесь первый раз!!

Василиса передернула плечами. Ей тоже сделалось неуютно. Даже почудилось, будто чьи-то зоркие глаза следят за каждым их шагом. И почему-то не казалось, что следят с добрыми намерениями.

– Пойдем, Люся, домой. И чего это мы с тобой выперлись в детский магазин без Малыша?! Будто ты не знаешь, как он любит мячики.

– Но маленькому же надо купить подарок! – упиралась Люся.

И она была права. Завтра выписывают Ольгу, и бегать по магазинам вовсе будет некогда.

– Вот что, давай поедем в центр, может быть, там тебя еще не все знают, – предложила Василиса, уверенно направляясь к остановке.

Нужный автобус подошел сразу. Подруги бодро заскочили в него, и в то же время к остановке подлетела уже знакомая Люсе иномарка.

– Не успела! Не успела! – захлопала в ладоши почтенная бабушка, чем вызвала немое неодобрение у пассажиров.

Васенька скоренько прикинулась, будто сия неводержанная дама ей вовсе незнакома, уперлась взором в окно и стала шлепать себя по бокам, чтобы выудить из кармана мелочь. Мелочи не было, как, впрочем и кармана – сегодня Василиса нарядилась в легкое платье собственного пошива, эдакое приталенное, с крупным воланом по подолу и с рукавами-фонариком. Ну понятно же, что к этой модели совершенно карманы недопустимы! И вот теперь – пожалуйста, не то что мелочи, ста рублей сунуть некуда!

– Вася, не суетись, я уже расплатилась, – лезла подруга прямо в ухо.

Люся была на добрых две головы ниже Василисы, а потому до уха ее не дотягивалась и опять шептала на весь автобус:

– Вась! Ты видела иномарку?! Видела?! Так вот она меня в тот раз довозила! Бесплатно! И сейчас хотела, точно тебе говорю! А мы удрали, ловко, да?!

Василиса насторожилась.

– Точно та самая?

– Да я же помню!! Она!

– Вот черт... – всерьез забеспокоилась Василиса и стала вытягивать шею.

Из окна автобуса совершенно отчетливо было видно, как вслед за стареньким «Икарусом» тащится темная приземистая машина, останавливаясь на всех остановках.

– Ты посмотри, какая гадина, – не выдержала Василиса. – Нас высматривает!

Подруги нервно оглядывались на дорогу, пока Василиса не опомнилась:

– Чуть свою остановку не проехали. Нам уже выходить!! Товарищ водитель!! Не закрывайте двери! Мы выходим!!

– А чего раньше-то в окно пялились?! – загудели недовольные граждане, которые только что влезли в автобус и плотной стеной забаррикадировали выход.

– Граждане!! Проявим чуткость к инвалидам!! – рявкнула Василиса, кивнула на Люсю и принялась локтями раскидывать пассажиров.

«Инвалид» Люсенька не отставала. Пыхтя, как паровозик «кукушка», она пробивалась к выходу, не забывая крепко прижимать к себе карман с деньгами. Вывалились из транспорта обе подруги потные, взъерошенные и нещадно помятые, но довольные – не пришлось топтать лишнюю остановку. Однако все их удовольствие тут же улетучилось – недалеко от них притормозила темная иномарка и, похоже, больше никуда не торопилась.

– Я сейчас пойду и вот так прямо спрошу – какого лешего вы за нами таскаетесь?! – не выдержала Люся.

– Ага. А он тебе так вот и ответит! – фыркнула Василиса. – Ясно ведь – здесь что-то не то. Нет уж, давай купим коляску, а домой придем – разберемся.

Этот магазин был значительно меньше, чем предыдущий. И желающих отовариться совершенно не находилось. Вероятно, уже не первый день, потому что единственная девушка-продавец привычно листала журнал и на вошедших никакого внимания не обратила.

– Вот бы ее начальник увидел, – фыркнула Василиса.

– Ты лучше на коляски посмотри! – восхитилась Люся.

Она прямоком направилась в зал и уже кружилась возле приглянувшейся коляски. Та и впрямь была хороша – и цвет нежный, сиреневый, и форма удобная – не громоздкая, легкая, и, что особенно располагало, – цена.

– Скажите, а это чье производство? – дернулась Люся к продавцу и остолбенела.

Девушка уже не пялилась в журнал, она послушно мотала головой рядом с девицей из иномарки.

– Ну что ты будешь делать! – с досадой хлопнула себя по бокам Люся. – Девушка!!! Эй!! Дамочка в темных очках!! Я вам говорю! Если вы сейчас за меня заплатите... Я раскурочу всю вашу телегу!! Вы меня слышите?!

Она уже летела к девице на всех парусах, но та спокойно выложила деньги и вышла.

– Люся! Не ори, договаривались же! – подоспела Василиса.

– Да чего там! Тут уж ори не ори... Вот смотри, сейчас подойдем платить, и опять окажется, что уже все оплачено!

Люся не ошиблась.

– Очень удачная покупка, – расцвела продавец. – Платить не надо, за вас уже деньги отдали.

– Вы что-то путаете, за меня некому платить, – поджала губы Людмила Ефимовна, настойчиво пытаясь впихнуть деньги в кассу.

– Ну как же! Вы же Людмила Ефимовна Петухова, так?! – тарасилась девчонка-продавец. – За вас только что расплатились, видели же, девушка деньги отдала! Так и сказала: «Вон та женщина, Людмила Ефимовна Петухова. Сын просил за нее рассчитаться!» Ну и что вы мне суετε? Хотите меня потом по судам затаскать?

Неожиданно Василиса отодвинула подругу, забрала у нее деньги и протянула девушке:

– Это не Людмила Ефимовна, это Василиса Олеговна у вас покупает. Я то есть. По поводу Василисы Олеговны никаких указаний не поступало?

Девчонка растерянно заморгала глазами:

– По поводу?.. Н-нет, про Олеговну ничего не говорили...

– Тогда, любезная, заверните нам вон ту колясочку и непременно отчитайтесь, что никакая Петухова у вас ничего не покупала. А брала Курицына. Запомните?

Девчонка неуверенно скривила губу, вероятно, желала улыбнуться:

– А какая разница? Петухи, куры, семейство-то одно...

– Совершенно разные! – вспылила Василиса Олеговна. – Мы тут вам не куры с петухами! А вовсе даже приличные... эти... госпожи! Это у нас фамилии из одного семейства! А сами мы вовсе даже не родственники! И вообще! Не ваше дело!

Девчонка перепуганно сунула деньги в кассу, нервно отдала чек и выкатила коляску.

– Забирайте. Она без коробки идет, только в целлофане. Вам колеса снять? Здесь корзина тоже снимается.

Верх коляски был упакован в целлофан, и только колеса были свободные.

– Не надо, мы ее так покатым.

Подруги степенно забрали покупку и вышли из магазина. Катить коляску своим ходом пришлось бы приличное расстояние, поэтому они снова подошли к остановке.

Они почти не удивились, когда рядом вместо автобуса затормозила темная иномарка.

– Садитесь, – распахнулась дверца.

– Я с вами никуда не поеду. И прекратите меня преследовать! – взвизгнула Люся.

– Да! – весомо подтвердила Василиса, оглядываясь по сторонам.

Ох, и как же не хотелось привлечь к своей особе внимания. Скандалы к такому летящему, романтическому платью совершенно не подходили.

– Людмила Ефимовна, прекратите истерики, – строго произнесла девица из машины. – Садитесь.

– Я не поеду! – топнула ногой Люся.

В следующий миг девушка вышла из машины, резко выдернула из рук Люси ручку коляски и спокойно закинула ее в багажник.

– Садитесь, – победно улыбнулась она. – Вам не причинят зла.

– Не могу вам сказать то же самое, – надвигалась на нее Люся, закатывая рукава тоненькой водолазки.

Тут же в ее глазах сверкнул сноп искр, и она осела на руки улыбающейся девицы. Та усадила ее в салон и юркнула на переднее сиденье.

– Сто-о-о-й!! Зараза такая!! – завопила Василиса на всю остановку. – Стой, говорю!!.. Граждане!!.. Люся!!.. Стой!

Незнакомка высунулась из окошка и мирно проговорила:

– Не надо орать, чего вы в самом деле. Я ее доведу, как и было велено. И вообще – не мешайте мне работать! Садитесь в автобус и спокойно езжайте домой, Людмила Ефимовна будет вас ждать.

Василиса ринулась к автомобилю, но тот газанул, резко набрал скорость, и от него остались только не самые лучшие воспоминания.

– Граждане!! Вы видели?!! – обращалась Василиса к единственной старушке на остановке, которая дремала возле огромной клетчатой сумки. – Бабуся!! Я у вас спрашиваю!! Вы видели? Номер машины видели?!

Бабуся и машину-то не видела – так сладко вздремнула. А сама Василиса номер узреть просто не могла. Ну и на солнце бывают пятна – Васенька была немного близорука.

Побегав вокруг остановки и так никого и не обнаружив из глазастых свидетелей, Василиса с горечью ухнулась в новом платье на оплеванную скамейку:

– Нет, это уже переходит всякие границы, – трясла она губами. – Значит, Люсеньку силком затолкали, а меня... а как мне добираться? У меня ведь и рубля в кармане нет! Да чего там! Даже кармана нет!! Как добираться-то?!!

Лучше всего было пройти пешком – ходьбы всего минут тридцать. Но Вася только представила, как эти тридцать минут будет валяться возле подъезда несчастная Люсенька, и поход отвергла. Она уверенно развернулась и направилась обратно в магазин.

Продавец опять листала все тот же журнал, но теперь при виде посетительницы она вытянулась в струнку.

– Чего желаете? – испуганно захлопала она накрашенными ресницами. – Вам не понравился товар?

– С товаром все в порядке, – успокоила ее Василиса. – Ты вот мне расскажи – что это за девица тут вместо нас деньгами раскидывалась?

– А это не девица, – послушно выкладывала девушка-продавец. – Это сын вашей подруги.

– Да с чего ты взяла-то?

– Ну так как же! – выпучила глаза девчонка на непонятливую покупательницу. – Только вы вошли, следом сразу же эта женщина заходит. И главное, глянула, что вы возле колясок толчетесь, и ко мне. Говорит: «Там вон, видите? Сухой горбыль бегают, а рядом маленькая такая мышь недокормленная. Так вот эту мышь зовут Людмила Ефимовна. Как только она начнет расплачиваться, ты у нее деньги не принимай ни под каким предлогом». Я еще возмутилась, говорю, дескать, а чего это, мне ей товар даром вручать, что ли?! А она сразу пачку денег вытаскивает и спрашивает: «Какие у вас самые дорогие коляски?» Я ей так спокойно, мол, по десять семьсот. Она мне тогда отсчитывает одиннадцать тысяч, а, говорит, мол, сдачу можешь себе оставить. Я еще хотела спросить, а как быть, если эта мышь, ну которая недокормленная, что, если она не только коляску возьмет, а рублей эдак на двадцать товару сдуру хапнет? У нас ведь во всем магазине только и есть приличного, что коляски. А тут и вы давай орать, возмущаться и от денег отказываться. Вот и спугнули девушку.

Василиса пристально взглянула на продавца.

– Так-таки и спугнули! Деньги же она тебе оставила.

– Ага, оставила!! – возмутилась девчонка. – Я тоже обрадовалась, а только вы вышли, она снова ко мне – шашь! «И что, – говорит, – приобрела наша мышь?» А я ей сразу в лоб, дура, что мышь – ничего, а вот коляску как раз горбыль купил. Вы то есть. Кстати, а вы не знаете, что такое горбыль-то?

– Горбыль? – дернула носом Василиса.

Господи, ну откуда ей знать, что такое горбыль! И каких только слов для них с Люсей не пожалеют!

– Горбыль, девушка... это такая священная птица. Сказочная, я бы сказала. От слова «горlinka» и «быль». Но ты не отвлекайся. И как она отреагировала?

Девчонка заскучала:

– Отвратительно отреагировала. Говорит, если эта Петухова не рассчитывалась, давай деньги обратно. И, говорит, не вздумай занывать, они меченые. Нет, вот вы мне скажите: а это обязательно – деньги всякой заразой поганыть, а?! – вдруг возмутилась продавец. – Я уже придумала, что не отдам, а тут – на тебе! Меченые!

– И чего, тебе нисколько за работу не отвалили? – ужаснулась Василиса.

– Господи! Да какие-то двести рублей! Что на них сейчас купишь? – дернула губой девчонка.

Василиса согласно мотнула головой и пошла ва-банк:

– Вот что, красавица. Тебе надо срочно вернуть пятьдесят рублей. Они тоже меченые. На них так и нарисовано: «Взятка в особо крупных размерах. Восемь лет строгого режима».

Девчонка нервно затеребила подол коротенькой юбчонки.

– А чего это – только на пятидесятке написано?

– Только на ней, на остальных не успели нацарапать. Дай-ка купюру. – Василиса вытянула из кассы полтинник и вытаращила глаза. – Ну вот, так и есть!! Надо же, ты себя чуть под статью не подвела! Такая молодая, ах ты горе какое! Я у тебя ее заберу, от греха подальше. Не ровен час эти... по борьбе с экономическими преступлениями забегут.

Бедолага-продавец так разволновалась, что от потрясения стала совать Василисе все пятидесятирублевые купюры из кассы.

– Это уже много. Отсюда на такси полтинник за глаза, – замахала на нее руками Василиса Олеговна, но, увидев, как вытянулось лицо продавщицы, поправилась: – Я говорю, мне одной купюры достаточно. Я прям пальцами чувствую – именно эта меченая.

Больше с девчонкой она не разговаривала, и без того времени было потрачено много. Она сразу поймала такси и без приключений добралась до дома.

Возле подъезда ее ждала Люся с коляской, и вид у нее был неважнецкий.

– Вася, ты так долго... – лепетала она. – А я как здесь очутилась? Я помню, что в машину не хотела садиться. А потом что?

– А потом села, – просто объяснила ей Василиса, взвалила на свои плечи коляску и поторопилась в подъезд.

Дома она все выложила подруге – и про то, как ту силком усадили в иномарку, и про то, что ей рассказала девчонка-продавец, и даже про то, что ее мучают недобрые мысли.

– Я думаю, Люсенька, тебе теперь одной вообще никуда выходить не рекомендуется. Это что ж такое – человек отказывается от всех удобств, а ему их прямо насильно навязывают!

– Что-то тут неладное, – поежилась Люся. – И недоброе. Из добрых побуждений по башке не долбят.

– Так тебя по голове шандарахнули? – участливо поинтересовалась Василиса.

– Не помню. Я вроде бы сознание потеряла. А когда в себя пришла, мы уже к дому подъезжали. И, главное, эта девица в темных очках долбила как попугай, честное слово! «Это ваш сын! Это ваш сын!» Я ей популярно объясняю, что сына родить как-то не сподобилась, не судьба, видно. Ну нет у меня никакого сына! А она только хитро так ухмыляется: «Это у вас раньше никакого сына не было, а теперь есть, да еще какой!»

Василиса задумалась. Потом молчком направилась к себе в комнату и вернулась оттуда с тоненькой тетрадочкой. С Люсей им пришлось немало раскрыть самых настоящих преступлений. Да еще не простых, а заковыристых. Даже Пашка – сын Василисы – от удивления почесывал лоб, даром, что сам трудился в милиции. Как-то так получалось, что охранять покой любимого города выпало этим двум нестареющим пенсионеркам. И любое дело начиналось именно с этой тетрадочки. Правда, потом канцелярия всегда бывала заброшена в дальний угол и все раскручивалось совсем не по планам, а по наитию ума и сердца. Но уж когда тетрадь появлялась, то это означало только одно – «дело» уже давно присутствует.

– Ты думаешь? – горько устала на тетрадь Люся.

– Не валяй дурака, – оборвала ее подруга. – Лучше вспомни – когда ты впервые почувствовала опеку своего «сыночка», вилы ему в бок.

– Не надо вилы, может, он ничего дурного мне и не желает.

– Ага! А зачем тогда тебя по темечку? С чего ты сознания-то лишилась? С его необузданной ласки, что ли? – вскинулась Василиса. – И потом, знаешь, как тебя называла та змея очковая из иномарки? Недоеденной мышью!

– Недоеденной? – ужаснулась Люся.

– Ну недокормленной, какая разница! Мышью! А разве тебя Ольга хоть раз грызуном обозвала? А меня Пашка? Потому что они нас по-настоящему любят! Понятно?

Люся только согласно мотала головой.

– Вася, а тебя она как называла? – ни с того ни с сего спросила она.

– Меня? – вздернула накрашенные брови Василиса. – Меня никак... только по имени-отчеству.

Люся немедленно принялась строить выводы:

– Значит, они и твое досье изучили. Значит, могут и до тебя добраться...

– Нет, ну добраться, конечно, могут, но с досье... Честно говоря, она меня, кажется, никак не обзывала. – Василиса не хотела заводить самое начало дела с неверного посыла.

Однако Люся не унималась.

– Нет, что-то не похоже, ты такая видная, тебя тоже должна была обзывать... Сибирский сухостой? Колодезный журавль? Удочка? Нет, удочка – это звучит ласково... Каланча? Или нет, эта девка не глупая, она должна как-то вычурно... Позор модельера? Жертва перестройки? Клеймо на пенсионный фонд?

– Ну знаешь, хватит! – не выдержала Василиса. – Куда тебя понесло-то? Она, значит, недокормленная мышь, а я какая-то жертва! И ничего не позор, а обыкновенный такой горбыль!

– Горбыль? – удивилась Люся. И согласно закивала. – Ну а чего, похоже. Только откуда у этой лошенной девицы слово такое в лексиконе?

Василиса смутно догадывалась, что ничего лестного это словечко не означало, но уж очень хотелось узнать – на кого же она так смахивает, что даже Люся признала сходство.

– Люсь, а что это такое-то? Слово какое-то деревенское, а ты же знаешь, я горожанка до десятого колена, – кокетливо спросила она.

– Да какое же деревенское? Сейчас в самом ходу, потому что люди сами строительством стали заниматься, дома загородные строят, коттеджи, вот оно у них к уху и прилипло.

Василиса вытянулась:

– Это подъемный кран, что ли, я не понимаю?

– Да какой кран! Это доска такая корявая, неотесанная, вся горбом...

– Ну спаси-и-ибо, подруженька! – медленно выдохнула Василиса. – Значит, корявая. Неотесанная! А ты, значит, у нас ужас до чего обработанная, да? Прямо лакированная вся, паркетная прямо досочка, да?

Люся прошла на кухню и принесла два фужера с вином.

– Не пыхти, – уладила она подругу. – Это очень удачно, что она тебя так назвала. Может, девчонка где-то работает рядом с деревом, ну не зря же такой лексикон.

– Ну-ну, – фыркнула Василиса, отпивая вино. – А если у нее батюшка там трудится? Или она книжку какую прочитала и это словечко к ней прицепилось? Или в кино слышала? Нет, Люся, надо идти по другому пути. Давай вспоминай: когда на тебя манна небесная обвалилась?

Люся вспоминала недолго, да и чего там было вспоминать – всего два дня чувствовала она пристальное внимание. И так его явно ощущала, будто кто-то все время стоял у нее за спиной.

– На меня, помню, все обвалилось, когда я от Ольги ехала. Меня эта мымра в очках впервые довезла. Правда, я тогда не сильно сопротивлялась, поэтому обошлось без обмороков. А потом пир этот, букет, бриллиант. Теперь коляску хотели насильно всучить. Да чего вспоминать – я без тебя только на машине и доехала, а остальное все на твоих глазах было.

– Ну что же... значит, решено – теперь выходишь только с Малышом. Или со мной, на крайний случай, сама ничего не покупаешь и к дороге не приближаешься, чтоб не уперли, ну и... Ну и дальше – по обстановке, – изрекла Василиса и многозначительно похлопала по тетрадке.

Глава 2

Найти братика в капусте

На следующий же день тетрадь была благополучно забыта. Ровно в одиннадцать должны были выписать Ольгу с долгожданным малюткой, и поэтому все мысли скакали только вокруг этого радостного события.

– Вася! А тебя точно Пашка привезет? Он отпросится? Успеет? Времени же восемь утра, а его все еще нет, – волновалась Люся, в который раз примеряя нарядную блузку.

– Конечно, еще нет, он же должен хоть как-то на работе появиться, – отталкивала подругу от зеркала Василиса. – Люся, тебе не кажется, что этот макияж меня сегодня полнит? Прямо такие щеки откуда-то отвисли...

– Это у тебя не щеки, а уши. Вася, а где у нас веревка? У Володи обязательно не найдется веревки, чтобы прицепить коляску к багажнику. Может быть, ее в салон поставить?

Василиса была жутко обеспокоена своим внешним видом, поэтому к остальным вопросам относилась без глупой паники.

– Коляску повезем на Пашкиной машине. Нет, это катастрофа! Ты посмотри, у нас совсем нет дорогой помады! И как теперь быть? Я же не могу красить губы этим вазелином! Придется целовать Оленьку, и вся помада останется на ней! Люся, немедленно выдай деньги, я побегу, куплю себе что-нибудь от Диора!

– Не вздумай лезть к Ольге со своими поцелуями, она молодая, кормящая мать, ей совершенно нельзя никакой заразы! А тут ты! А букет? Мы еще не купили букет и вчера не побеспокоились!

Она тут же понеслась к телефону и закричала в трубку:

– Володя!! Ты должен заехать за мной на час раньше!.. Да! на час!.. А потому что мы не купили цветы!.. Могу себе представить, что ты там такое купил! Какую-нибудь белену садовую! Володя! На этом деле нельзя экономить! Оленька тебя никогда не простит!.. И еще надо коробку конфет акушерам-гинекологам... Ты уже купил коробки? Молодец! А откуда ты узнал?! Володя! Признайся, пока не поздно – у тебя уже есть побочные дети?! Ах, ну прости, конечно, куда тебе побочных, когда ты прямого-то наследника столько время ваял... Да я ничего, хвалю тебя за сообразительность!

Ровно в десять под окном пикинула первая машина.

– Вася, это меня! – взволнованно замерла Люся, прижав руки к груди. – Ругай меня, Васенька. Я понеслась!

– Несись, старая кляча, несись, – усмехнулась подруга.

– Чего это ты про клячу? – обиженно обернулась Людмила Ефимовна – она сегодня выглядела на десять лет моложе.

– Так ты просила тебя ругать! А как еще ругать бабу? Не матом же, – изумилась Василиса. – Беги, Люся. Пора и с внуком познакомиться.

Ольгу встречали большой, шумной компанией – Пашка привез мать и жену Лидочку – лучшую подругу Ольги. Володя выскочил из машины, совершенно забыв выпустить из салона тещу, и та билась о стекло, точно огромная ночная бабочка, а потом подняла крик на всю округу. Люсю спешно выудили, нагрузились букетами и огромной клумбой ввалились в больничный холл.

Ольга выскочила легкая, чуть побледневшая, но необычайно счастливая. Ее тут же завалили цветами. Оставили только несколько букетов у Люси, для медицинского персонала.

– Папаша, возьмите ребенка, – появилась в дверях приятная медсестра, и Володя растерянно подался вперед.

– Цветы передай медикам! – влезла Люся.

Ничего не видя вокруг, Володя топал к заветному свертку в огромных голубых бантах. Он взял сына и забыл про все на свете – только смотрел на крошечное серьезное личико нового человечка.

– Цветы! – жалобно вопила Люся.

Ей тоже до смерти хотелось взглянуть на внука, но окаянные букеты так никто медсестре и не подарил, а сама Люся не догадалась – ведь положено отцу! А ну как поломают священную традицию.

Спасла положение Василиса. Она заискивающе улыбнулась медсестре и торжественно провозгласила:

– Спасибо вам за нашего мальчика. А это вам! – и вместе с Люсей сунула медичке букеты.

Сама же, потеряв к медицине всякий интерес, кинулась к тезке:

– И где тут наш Василечек?! Нет, вы посмотрите, это самый настоящий Василий! Вон какой серьезный!

Пока медсестра пыталась взять многочисленные букеты, чтобы их не рассыпать, Люся трепыхалась в ее объятиях.

– Да что вы меня к себе жмете?! – кончилось терпение у новоиспеченной бабушки, и она, раскидав все розы, кинулась к зятю. – Володя!! Я! Дайте мне!! Ну дайте же поддержать! Да отпусти же ты руки, Владимир! Я же аккуратненько!

– Ма-а-ама!! Идите дарите цветы! Я еще сам не надержался! Ну куда вы лезете?! – отбрыкивался молодой отец.

Вообще-то Володя ее впервые вот так назвал, мамой, но Люся не могла радоваться – она злилась на зятя из-за его упертости! Ну надо же – ухватил ребенка, будто больше его поддержать некому. И ведь фиг к нему подлезешь!

– Володя, отдай Васю маме, ну чего ты, как маленький, – потянула мужа за рукав Ольга, и тот нехотя повиновался.

Люсе вручили крохотный, теплый сверток, и она вдруг поняла, что до этого момента не знала, что такое настоящее счастье.

– Так, я еду к вам и буду у вас жить! – заявила она через пять минут. – Совсем немножко – всего неделю! Пока вы не научитесь с ним обращаться.

– Хорошо, мама, поехали, – усмехнулась Ольга, прижимаясь к плечу любимого.

– Ничего хорошего, в общем-то, – процедил любимый. – Я вообще-то сам взял отпуск, как раз на неделю. Хотел побыть с сыном. А теперь мне его и на руки не дают. Мама!! Отдайте мне моего сына!

Люся подняла голову и гордо процедила:

– Хватит и того, что я тебе отдала свою дочь!

К Володе подошла Василиса.

– Володя, ну будь ты умнее. Ровно через шесть часов у нее затекут руки, и она сама передаст тебе Васеньку.

– Через шесть? – дернул бровями зять и спросил с тайной надеждой: – А раньше не затекут?

Василиса только горько покачала головой:

– Даже не надейся, она свой баян по шесть часов туда-сюда на свадьбах тягает, а уж внука-то...

Люся не отпускала внучонка ни на минуту. Уже все приехали к Ольге с Володей, уже накрыли стол, уже уселись и подняли первую рюмку за здоровье малыша и его родителей, а она все держала на руках крохотного Василия Орфеева и не могла наглядеться.

– Мама, да положи ты его, не приучай к рукам, – просила Ольга.

– Я подержу, я сама знаю, к чему его надо приучать, тебя же вырастила! – не соглашалась Люся. – Иди, садись за стол, поешь, я сама.

– Мам, ну дай, я ему пеленочку поменяю, – просил Володя-зять.

– Я сама! Не мужское это дело – с пеленками возиться! – зыркала Люся.

– Теть Люся, дайте Васятку посмотреть, а? – просила невестка Василисы – Лидочка. – Ну хоть на кого похож.

– Я сама посмотрю, нечего на него глазеть! – уворачивалась шальная бабушка. – И чего думать? На меня он похож!

– Теть Люсь! – басил Пашка – сын Василисы. – Дайте мальчонку подержать, а то я только девчонок держал. А мне завтра в командировку, когда еще подержать придется.

Пашку и в самом деле отправляли в командировку, поэтому он как-то особенно настойчиво тянул малыша к себе:

– Ну дайте, а? Теть Люсь! Я как старший по званию приказываю!

– А иди-ка ты со своими приказами! – не трепетала бабка. – Вон роди себе парня и держи сколько хочешь! Я сама подержу!

– Мама, – уже приплясывала рядом Ольга. – Давай Васю, мне его кормить пора.

– Я сама! Ты разве накормишь?!

– Люся! Ты совсем-то с ума не сходи! – вступила Василиса и чуть не силой оторвала подругу от малыша. А потом еще и прикрикнула: – Не дури! Чего выдумала – родителям дитя не давать! Пусть Володя почувствует, что за радость сынишку на руки взять! Жить она к ним собралась! А я как? Давай выпей за внука, и домой будем собираться, матери надо отдохнуть дать.

Люсе не хотелось домой. Ей хотелось лечь вот тут на диванчике и ждать, когда малыш начнет капризничать, чтобы первой вскочить и схватить долгожданного крикуна на руки.

– Васенька, – ухватила она за пуговицу подруги и боялась посмотреть той в глаза. – Я, конечно, выпью за внука, только домой ты иди без меня. Я же никак не могу оставить ребенка на попечение таких родителей, ты же понимаешь. Они же молодые – чего им. Лягут сейчас и продрыхнут. А Васенька... господи, ну и имечко! А ребеночек будет кричать, кричать и охрипнет! Голос потеряет. А если я останусь, он, может быть, сделается... Карузо. Вася, ты любишь Карузо? Ва-а-а-ся-а!

Василиса Олеговна ее уже не слушала. Она силком ухватила подругу под руку и выволокла из квартиры.

– Закрывайся, Оленька, спокойной ночи! – успела попрощаться она с хозяевами, ни на секунду не выпуская Люсю. – Я ее до завтра подержу, отдохайте.

За такое жестокое с собой обращение Люся дома наказала Василису гробовым молчанием. Она уселась возле телевизора и уставилась на потухший экран, твердо решив на реплики подруги не реагировать.

– Ты посиди, посиди, а я пойду Малыша прогуляю, – не слишком навязывалась с беседой Василиса.

Когда подруга ушла, Люся кошкой кинулась к окну – так и есть, Василиса не отходила от подъезда далеко – стерегла ее.

– Вот ведь... жандарм! – прищурилась Люся. – Просто сторожевая собака Бобик!

Она приготовила для Васи еще парочку лестных эпитетов, но высказаться не успела – в дверь настойчиво позвонили. Люся молнией уселась на прежнее место и навесила на лицо маску невыразимой скорби. В дверь продолжали звонить.

– Да что она – ключи потеряла, что ли? – пришлось оторваться от пустого экрана Людмиле Ефимовне.

– Здравствуйте. – На пороге стояла миловидная женщина. – Петухова Людмила Ефимовна здесь проживает?

– Допустим... – расплывчато ответила Люся. – А зачем она вам?

– Я так понимаю – вы и есть Петухова? – догадалась дамочка и кокетливо протиснулась в комнату.

Она игриво почесала коту Финли за ушком, отчего у того наступил временный столбняк – кот не переносил незнакомцев, а гостя уже разбрасывала по столу документы и щебетала, не умолкая ни на секунду:

– Наше туристическое агентство предлагает вам совершенно изумительные туры! Могу предложить уик-энд в Пекине! Получите бурю восторгов! Великая Китайская стена, императорский дворец, чайные церемонии! Продолжительность перелета всего три часа пятьдесят минут! Вы в вашем возрасте перенесете его с легкостью. На крайний случай в салоне есть все необходимое для реанимации.

Люся стояла возле разбросанных бумаг и испепеляла дамочку взглядом. Та заученно ворковала свой монолог и, точно глухарь на току, ничего не замечала, пока не выплеснула блок информации. Только после этого она заметила, что, вероятно, на Великую Китайскую стену клиентка не спешит.

– А чего вы так набычились? Не хотите в Пекин? Тогда я вам предложу еще более лучезарную перспективу! – Гостя восторженно воздела глаза к потолку и завелась по новой: – Китай – Бэйдайхэ, Далинь – «маленький Гонконг» на берегу Желтого моря! Завтраки, экскурсии, шопинги, сказочный отдых на белоснежных пляжах...

– Кто?! – сурово прервала ее Люся. – Сын?!

– Где? – завертелась дамочка и надула губки. – При чем здесь сын? Я вам про отдых!

Люся собрала в кучу все бумаги со стола и всунула их в руки миловидной женщины.

– Я никуда не поеду! Мне вот сейчас только поездок не хватает! В кои-то веки выдалось жаркое лето, а меня, как пингвина, понимаешь ли, на белоснежные пляжи! Топайте отсюда в свои шопинги!

– Но я... Я не понимаю! – вскочила женщина, пытаясь ровненько уложить бумаги. – Чего вы так разволновались?! Вам совсем не придется платить! За вас уже все уплачено! Любой бы на вашем месте...

– Кто уплатил? – раздувала ноздри Люся. – Только сразу предупреждаю – не вздумайте сказать, что сын! У меня нет сыновей! Кто заплатил?

Женщина не ожидала такой скверной реакции на свои лучезарные предложения. Она теперь дергала бровками, таращила хорошенькие глазки, и грудь ее ходила вверх и вниз от возмущения.

– Откуда я знаю, кем вам приходится тот мушкетер?! Нашу туристическую фирму совершенно не интересуют ваши родственные отношения!

– Он мне не родственник!

– Ради бога! Нас и ваши личные отношения не беспокоят! – замахала она руками, но все же не удержалась от чисто женского любопытства: – А что – он ваш любовник? Господи, и где у мушкетера глаза?!

– Во-о-о-он!! – взревела Люся. – Это чтобы у меня! Любовник?! Да я себе даже мужа не позволяю иметь!! Любовник!!

– Да и действительно, чего это я такое придумала, – буркнула себе под нос представительница турфирмы и спешно покинула квартиру взрывной особы.

Следующий «привет от сыночка» Люся получила где-то в обед следующего дня.

В дверь, как обычно, позвонили, и средних лет мужчина в синем комбинезоне бодро спросил Василису:

– Вы будете мадам Петухова Людмила Ефимовна? Принимайте окна. Сегодня материал завезем, а завтра будем устанавливать. Где-то часикам к десяти подойдем, проснетесь?

– Может быть, и проснемся, – кокетливо крутила тапком Василиса, разглядывая напористого гостя.

– Ну так принимайте! Ребята, заноси!

Василиса встала в проеме морской звездой:

– Тю-тю-тю! Что значит – принимайте! Это вам приемный пункт, что ли? Это квартира! И без нашего желания сюда никто ничего заносить не будет! Чего это вы приволокли, покажите-ка...

Мужчина поскреб затылок и удивленно мотнул головой на «ребят», которые пыхтели под тяжестью больших тяжелых пакетов.

– Это окна, что ли? – вздернулись брови Василисы. – А мы не заказывали!

– Вася!! Гони их! – кричала из комнаты Люся. – Скажи, если не уберутся, мы спустим собаку! Малыш, голос!

Из недр квартиры до ушей незваных гостей донесся гулкий лай.

– Не понял, – снова полез к затылку мужичок в комбинезоне. – Так вы чего – отказываетесь, что ли? А как же деньги? Тоже не нужны?

– Молодой человек! – красиво произносила Василиса каждую букву. – Мы у вас ничего не заказывали, платить не собираемся, а...

– Так ничего платить и не надо, все же еще сегодня утром уплатили! – поднялся откуда-то с нижнего этажа еще один работник.

Этот был не в комбинезоне, зато в куртке такого же синего цвета. Вероятно, числился рангом выше.

– Вот и квитанция! Все уплачено.

– Окна оплачивали не мы, поэтому категорически от них отказываемся, – тяжело и совсем не категорично пролепетала Василиса. – У нас имеется все для скромного, одинокого женского счастья.

Нет, если бы не странная, запутанная ситуация, она обязательно впустила бы такого аккуратного, форменного мужчину на чашечку чаю, и даже, если бы он настаивал сейчас, пусть бы оставил свои окна в подъезде, а сам приходил, уж очень к себе располагал. Однако мужчина в комбинезоне вовсе не догадывался о своей притягательной силе и напрашиваться не стал. А вовсе даже повел себя недостойно. Он еще раз сверкнул очами:

– Так вы отказываетесь, да? И даже бумагу можете подписать, да? Тогда... слышь, Николаич, давай это... – Теперь он уже возбужденно что-то шептал на ухо «синей куртке».

Тот старательно отмахивался, так как не решил еще проблему с заказчиком:

– А почему, собственно, вы не желаете? Наша фирма вставляет качественно и обеспечивает гарантией на...

– Да ну их на фиг, Николаич, – пренебрежительно махнул рукой на томящуюся диву «комбинезон». – Ребята!! Выноси все обратно!! Слышь чего, Николаич... до свидания, тетенька. Рады были познакомиться, – на прощание фальшиво улыбнулся он и сам захлопнул двери.

Василиса горько припала к створке. И чего это женское счастье всегда так резко хлопает за собой дверью?

– Слышь, Николаич, прикинь, как здорово, что они отказались! У них как раз три окна заказали. Давай два моей теще влепим, а одно тебе! Тебе большое, у тебя же балкон старый!

– Да ну на фиг, – бубнил Николаич. – Давай лучше большое окно моей Верке поставим, а то она меня уже давно пробросить собирается.

– Так ведь если жена узнает, все кудри выдерет! – усмехнулся за дверью «комбинезон».

Василиса такого вытерпеть уже не могла. Они, значит, благородно отказываются от евро-удобств, чтобы не вляпаться в неприятности, а от их имени кто-то любовницам будет вставлять окна!

– Господа, – распахнула она дверь. – Мы отказываемся от окон. И сегодня же сообщим об этом заказчику. В смысле – нашему спонсору, который у вас окна оплатил. Я подумала, а вдруг он вам не поверит, что мы от своего уюта отказались.

Господа немедленно поняли, что совершили самую крупную ошибку за квартал – позволили себе распустить языки под дверью ушастых теток, скисли и потрусили вниз по лестнице.

– Люся! – появилась в дверях комнаты огорченная Василиса. – Я потеряла покой.

– Да я слышала, как ты сюсюкала с этим подоконником! Что – пред твоими чарами устоял? Негодяй! – фыркнула Люся.

Василиса плюхнулась в диванные подушки, скорбно ухватила кота и устроила его себе на живот.

– Все гораздо хуже, Люся, – обреченно чесала кошачье пузо Василиса. – Мы с тобой всячески стараемся не попасть в кабалу к твоему неизвестному «сыночку», отказываемся от всевозможных даров, а кто-то вероломно этим пользуется!

– То есть как это? – вытянулось лицо у Людмилы Ефимовны.

– А так это! Вот сейчас мы выставили этих трудяг, а они и давай под дверью радоваться, какая ты недотепа оказалась и куда они могут эти окошечки пристроить, – за них же уже заплачено! И решили, что пристроят любовницам. Представь, Люся, ты порождаешь разврат.

Люся растерянно заходила по комнате и зачем-то обрывала головки у домашних цветов. Это как же? Значит, они уже в паутине? Они стараются, Люся, значит, сознание теряет, чтобы в кабалу не угодить, а нерадивые сограждане...

– Это антуриум, если ты ему башку оборвешь, он еще три года не зацветет, – как сквозь вату донесся до Люси голос подруги.

– Вася!! Я немедленно звоню Павлу! Мы попали в затруднительное положение, пусть он нас оттуда выскребает, – объявила Люся и решительно направилась к телефону.

– Пусть, разве же я спорю. Только ему нас выскребать немножко не с руки, он же в командировке.

Люся снова подбежала к цветам и оборвала сразу три головки у бальзамина.

– Я думаю, не стоит так волноваться, – отобрала у нее горшок и отставила его на шкаф Василиса. – Мы с тобой не маленькие беззащитные дети, можем кое-кому принести кучу неприятностей.

– Ага! Кучу! Если успеем! – не успокаивалась Люся. – А вот мне кажется, что надвигается что-то страшное. Я вот, Васенька, даже по ночам спать не могу! Ты храпишь, как кузнец, а я ворочаюсь! И не сплю! А потому что боюсь!

Василиса дернула бровью.

– Вчера, например, ты храпела. Я до четырех ночи смотрела ночной канал, про любовь. А ты мне своим храпом все диалоги заглушала. А там такие слова нежные говорили!

– Что будем делать? – не желала слушать про нежные слова Люся.

– Работать, Люсенька, а что нам еще остается? Сейчас вот только ты сваришь что-нибудь к обеду, и начнем. Ты, наверное, сегодня капусту потуши, а я... я думать пойду. Разбуди меня, когда все будет готово.

Вместо того чтобы кинуться рубить капусту, Люся носилась по комнате, подбегала к тетрадке, зачем-то пялилась в чистые листы и снова начинала бегать. Она так соображала. Но чего тут сообразишь, когда нет ни малюсенькой зацепочки! Пришлось отправляться на кухню и терзать капусту.

Вечером, когда подруги уже расстилали постели, в доме раздалась заливиная трель звонка. Малыш грозно зарычал и даже два раза совершенно отчетливо гавкнул.

– Опять сынок заботится, – вздохнула Василиса. – Люся, мне интересно, в такую пору какой от него подарок можно ждать? Не иначе, как мужчину по вызову.

– Замолчи, бесстыдница! Я уже бабушка! – порозовела щечками Люся, ухватила за ошейник Малыша и поторопилась к двери.

В комнату влетела раскрашенная, как гейша, девчонка, а за собой она тащила высокого красавца.

– Здравсать, – без приглашения плюхнулась она на диван. – Гришка, садись, рассказывай. Ой, бабушки, только вы пса уберите, он сейчас на Гришку кинется, на него каждая собака бросается.

Люся повела Малыша в спальню, но Василиса мудро ее остановила:

– Подожди, Люся. А чем это вам наш пес не понравился? Он спокойный. А вдруг вы на нас с ножом полезете?

Девчонка выпучила глаза:

– Здра-а-ассьте! Чего это мы с ножом? Мы к вам, между прочим, за помощью. Вы чо – совсем не врубаетесь, что ли? Мы ж на свадьбе с вами гудели! Вы там еще уши парили, что всякие преступления фасуете! Ну? Не вспомнили? Это ж Гриня! Он еще свидетелем был у жениха! А я тоже там была! Меня Маринкой зовут. И если по девичьей фамилии – Волкова.

– А настоящая какая? – спросила Василиса.

– Волкова, я ж и говорю! Девичья, она и есть настоящая, меня ж еще никто замуж не взял. Не, ну вы ваще, что ли? Неужели не вспомнили?! Мне еще хотели в рюмку самогонки налить, а я коньяк требовала! А они, зверюги, коньяк заныкали и весь вечер мне водку чаем разбавляли. Ну, чтоб я не догадалась. Конечно! Я и не допетрила! Зато потом такое им устроила! Ну водки ж наглоталась, чего с меня взять. Ну чо – вспомнили?

Василиса уставилась на парня и что-то такое начала припоминать.

– Да-да-да! Помню-помню. Вы, молодой человек, все еще на меня поглядывали, да? Прямо глаз не сводили. Так как, вы говорите, вас зовут?

– Гриша! – снова встряла девчонка. – А на вас он пялился, потому что вы ему очень его первую учительницу напоминаете. Покойную. Такая же ненормальная была – все пела да плясала, а сама, между прочим, Гришку линейкой по ушам била, он их не мыл никогда, а учительница насмотрелась, как слонов дрессируют, и давай Гриню тоже: чуть что – и по ушам. Он с тех пор ваще к ушам не прикасается, принципиально не моет. А вы прям так на нее похожи, Гринька даже испугался – может, училка и не скончалась еще. Ну и, ясный перец, опять за уши беспокоиться стал.

Василиса скукожила губки клизмочкой, дернула щечками и властно позволила подруге отвести пса.

– Люся, отведи Малыша. А то торчишь тут в позе вдовы, прям неловко, тебе уже давно пора чай ставить.

Люся затолкала Малыша в свою комнату, но к чайнику не торопилась. Она уселась напротив гостей, вальяжно закинула ножку на ножку и с искренним любопытством поинтересовалась:

– А к нам вас как занесло? В гости, что ли? Или свадьбу хотите провести? Предлагаю сразу оговорить гонорар.

Маринка Волкова брыкнулась на диван, и ее ноги описали над головой Василисы дугу.

– Вы чо?! Я ж вам говорю – меня еще никто не берет! Ой, ну я шас ваще вся в осадок уйду от этих старушек! Гринь, прикинь, да? Свадьбу!

Гриня послушно растянул губы и несколько раз отчетливо гикнул, что означало неумный смех. Люся уже стала терять терпение. С каждой минутой развязная парочка ей нравилась все меньше. Девушка Волкова вела себя непозволительно расхлябанно, а красавец Гриня уже через пять минут знакомства красивым совсем не казался.

– Так я не поняла! – стала накаляться Людмила Ефимовна. Сейчас они с Васей как раз должны были придумывать, как выйти на след загадочного «сына», а эти двое бессовестно крали драгоценное время. – Я не поняла, если свадьбу не хотите, вам, может быть, похороны провести?

Василиса немедленно скорчила скорбную гримасу и вышла на передний план:

– Люся, утихомирься. Ребята к нам принесли свое горе. Им надо помочь. – Она даже ручки сложила на манер церковного служки. – Мы можем скрасить ваше горе, отведем девять дней, сорок и полгода. Можем и год отвести, если платить будете. В исполнении Люси вы сможете прослушать самые любимые песни покойного...

– Да на фиг нам слушать! – дрыгнула ногой девица. – Мы и сами спеть можем!

Она резво вскочила и запищала тоненько, будто придавленная мышь:

– Хорошо красавицам, они всем нравятся, им об этом и о том не надо париться!.. Классно? Я с этим хитом пойду на «Народного артиста» поступать... Мы же к вам зачем притащились? Тут у нас... Гриня! Ну какого черта! Рассказывай сам!

Она брякнулась обратно на диван и демонстративно уставилась в потолок. Гриня после команды подружки как-то весь подобрался, вытянулся и замычал:

– Ну-у-у... дак, а чо... короче... ну типа мне сначала было фигово... жисть не удалась. А теперь лафа. Все классно.

Василиса с Люсей приготовились слушать долго и терпеливо, однако вся повесть на этом закончилась. Подруги медленно переглянулись.

– На наркотики подсел, что ли? – уточнила Люся.

– Ой, госсиди! Ну он же вам ясно объяснил! – снова дрыгнулась в диване Маринка Волкова. – Короче, после свадьбы Гринька никак не мог поправиться, ну в смысле из запоя выйти. А чего ему делать-то? Свадьба же уже скончалась, никто даром не наливает! Ну и решил Гриня пойти в казино, деньги же надо как-то зарабатывать!

Василиса шелохнулась:

– Простите, он туда работать пошел?

– Ну конечно, я ж говорю – деньги выигрывать. Последние у нас из дому спер и потащился. И что вы думаете? Ни фига не выиграл!

Подруги пожали плечами – и что тут думать, этого и следовало ожидать. Не для того богатенькие владельцы такие деньги в казино грохали, чтобы кому-то просто так их отдавать. Однако для Маринки это было, похоже, полной неожиданностью. Глаза у нее от удивления вылезли из орбит, а брови ускакали куда-то за челку.

– Так мало того, что не выиграл, он еще и проигрался! Нет, прикиньте – заработать пошел! Ну и, короче, залез в таки-и-ие долги! Гриня, расскажи, в какие долги ты влез!

– У-у-у-у! – вытаращил очи красавец.

– Видали? – продолжала Маринка. – И, короче, собрался он вешаться... а нет-нет, вру, стреляться из газового пистолета. А тут – раз! Приходит к нам мужик и приносит Грине пакет. Приносит пакет, а там денег... Гриня, сколько там было?

Гриня снова вытаращил глаза:

– У-у-у-у!

– Во, видите сколько! Много! Короче, как раз столько, чтобы ему расплатиться и нам на жрачку. И, главное, в пакете такая бумажка: «Рад помочь. Брат». А у Грини никакого брата отродясь не существовало! Он у матери один, после него она ваше зареклась рожать. Ну а сама мамаша из детдома.

У Люси заныло где-то под коленкой.

– То есть – никакого брата нет, а записка есть, так? – спросила она осипшим от волнения голосом.

– Ну да! – громким шепотом подтвердила Марина. – И главное – деньги тоже есть! А потом что началось! Гринь, что потом началось?

– У-у-у-у! – помогла парню Василиса и обернулась к девушке. – Теперь вы подробнее. Та горестно махнула рукой:

– Да какие там подробности. Короче, этот брат теперь нас содержит. Платит за все продукты, куда ни забредем, везде заплачено, все дела. Нет, прикиньте, на днях нас в ресторан пригласили, ну в «Зеленую бутылку», знаете, вы ходили же, да?

Ни Люся, ни Василиса о таком ресторане даже не слыхивали, но кивнули так, будто из этой зеленой тары не вылезали.

– Короче, там такой стол! – закатила глазки Маринка. – Такие мэны обслуживают! Пепел с сигарет чуть не руками ловят – не успеешь до пепельницы донести, уже меняют! Короче, мы сначала припухли, тихонько сидели – откуда такие бабки, да? А потом подходит к нам мэн, ну который у людей главный...

– Администратор, что ли? – пыталась не сбиться с мысли Люся.

– Ну да. Приходит и, типа, говорит: «Вы, типа, не тряситесь, за все уплачено. Это вам ваш брат день рождения устроил». И Грине моему кланяется, прикиньте! Главное, не мне, да? А Грине! Ну ваще-е-е!

Девчонка, видимо, все еще находилась под впечатлением «Зеленой бутылки», потому что долго качала головой, цокала языком и таращила глаза. Но теперь подруги ее не торопили. Они боялись пропустить хоть слово из спутанного рассказа.

– Так я и говорю своему-то! – снова вспомнила про них Марина Волкова. – Типа, ты, Гринь, меня с твоим братом познакомь! Пусть, типа, знает, что у нас с тобой теплые отношения, все дела. А то у меня на носу зима, а шубы норковой не намечается! И сапоги – отстой! А он токо воет, типа, сам никакого брата знать не знает. Я и притащила его к вам – вы ему хоть иголки под ногти запихайте, что ли, пусть расколется! Не, ну чо за на фиг получается? Значит, ему – так братец, все дела, а мне – так дырку в сыре, да? Не, вы его можете прям сейчас иголками потыкать, он уже согласен. Гринь, ты как? Согласен?

Гриня смачно шмыгнул носом, собрал свои соболиные брови домиком, растопырил пальцы прямо перед лицом Василисы и покорно мотнул головой.

– Нет, милейшая, мы гестаповцами не подрабатываем, – осторожно отвела она от себя его руку. – Но...

– Давайте мы лучше попробуем найти этого братца, – предложила Люся.

– Клево!! Супер!! – проняло вдруг Гриню.

– Только вы нам должны все подробно рассказать! – снова вклинилась Василиса. – Итак, когда вы впервые почувствовали заботу этого братца?

Григорий раскрыл было рот, но Марина-щебетунья уже докладывала по всем правилам:

– Гриша почувствовал заботу брата прямо после казино. И еще бы он ее не почувствовал! Он же уже бегал покупать себе газовый пистолет, но у него денег не было. Кстати, вы ему скажите, что стреляться лучше из боевого оружия, например, из «макарова», правда ведь? Гриня, у меня сосед – прапорщик, попросим его, он принесет.

Василиса чуть не поперхнулась от такой заботы.

– Я думаю, торопиться пока не стоит. Успеете. А может, его и сам родственник... Кхм... Вы, Марина, напишите мне ваш телефончик, место работы и адрес.

– Мой? – вытаращилась девица. – Так мы ж вместе с Гриней проживаем! Значит, записывайте – переулочек Чайковского, двенадцать, квартира семьдесят семь. А телефон... Вы дайте мне бумажку, я вам и свой сотовый напишу, и Гришкин. У нас только сотовые.

Василиса не поленилась – быстренько организовала листочек с ручкой и, пока Маринка писала, решила разговорить красавца Гришу.

– А вы, простите, где трудитесь? – ласково обратилась она к парню.

Тот покраснел, стал колупать ногти и в конце концов сознался:

– Этим... ну-у-у... сторожем в садике.

– И много получаете? – еще нежнее допрашивала Вася.

– Да ни фиги! – обозлился вдруг Гриня и уперся взглядом в пушистый коврик. – Они это... мне токо есть оставляют... чо дети недоели.

– Какая жестокость, – прониклась Василиса. – Люсенька! Ты послушай! Парню совершенно не выдают зарплату! Только обедками кормится! Надо немедленно обратиться в профсоюз!

Маринка оторвалась от листочка и замахала руками:

– Не, не надо обращаться. Гриня просто у них подворовывает, а они знают, вот и высчитывают всякий раз. Нормально.

– Позвольте, но... – затрясла челюстью благородная Вася. – То есть как же так – подворовывает? Что можно у детей своровать? А почему его не вышибут поганой метлой?

Маринка воодушевленно объяснила:

– Он у них ведра всякие таскает, подушки тоже, белье постельное в прошлый раз приволок. А не выгоняют, потому что за такую зарплату ни один приличный мужик сторожем и вовсе работать не пойдет. Там же еще мести надо. А Гриня, он же не сильно наглее! В один месяц – ведро, в другой – полотенце. Это еще ничего. Прошлый сторож ваще пианино укатил!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.